

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Г.В. Сериков

Учебное пособие

Зарождение и развитие этнопсихологических знаний

Ростов-на-Дону

2014

Автор: Сериков Г.В., к. психол. н., доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Южного Федерального Университета.

Печатается в соответствии с решением кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ, протокол № 13 от 22 мая 2014 г. Рекомендовано учебно-методическим советом факультета психологии Южного Федерального Университета в качестве учебного пособия для студентов факультетов психологии высших учебных заведений, протокол № 7 от 23 мая 2014 г.

Компьютерный набор и верстка – ст. лаборанта Бзезян А.А.

Аннотация

Аннотация. Задача предлагаемого учебного пособия – ознакомить учащихся с историческими предпосылками зарождения и развития этнопсихологии, с формированием ее основных методологических и концептуально значимых понятий на различных этапах становления данной науки. Пособие предназначено для студентов старших курсов психологического факультета, изучающих этнопсихологию, некоторые разделы пособия могут быть использованы в подготовке к семинарским занятиям к курсам «Культурно - и этнопсихологические исследования», «Социальная психология», «Конфликтология», «История психологии», «Культурология». В нем представлены материалы, относящиеся, в основном, к периоду становления этнопсихологии, ее предыстории и истории. Ряд источников, в силу их недостаточной доступности для студентов или особой значимости для понимания сути проблемы рассматриваются детально. В таких случаях автор намеренно сохраняет конспективный характер изложения, чтобы донести до читателя «дух первоисточника». Те аспекты или темы, которые достаточно полно освещены в других широко известных пособиях и учебниках, затронуты частично или же остались за пределами рассмотрения в данной работе. Пособие построено на модульной основе, включает в себя вопросы для самоконтроля и список литературы после каждого модуля, а также задания для самостоятельной работы, темы рефератов, список литературы, рекомендуемой для более углубленного изучения предмета и небольшой глоссарий.

Оглавление

Введение	5
Модуль 1 Из предыстории этнопсихологии	6
1.1. Ранние литературные источники воззрений на межэтнические отношения, психологические особенности и культуру различных народов	6
1.1.1 Первые религиозные книги о народах и их происхождении	6
1.1.2 Геродот и Гиппократ о характерах людей и их связи с климатом и местностью	8
1.1.3 Страбон о нравах народов, их обычаях и образе жизни	14
1.1.4 Плиний Старший и его мифологическое описание племен и народов	21
1.2 Проблема национального характера в работах Ш.Монтескье и И.Канта	26
1.3 Д.Юм о национальных характерах и причинах их формирующих	30
1.4 К.А. Гельвеций о характере народа и о причинах его изменяющих	37
1.5 Гуманистические идеи Гердера, его стремление установить взаимосвязь физических факторов и психологических характеристик людей	40
Вопросы для самоконтроля к Модулю 1	49
Литература к Модулю 1	51
Модуль 2 Этнопсихология в период ее появления и становления	52
2.1 Появление этнопсихологии в Германии	52
2.2 Вклад Вильгельма Вундта в этнопсихологию	55
2.3 У. Мак-Дауголл и его попытка применить эволюционный подход к объяснению причин конфликтов между народами	58
Вопросы для самоконтроля к Модулю 2	66
Литература к Модулю 2	67

Модуль 3 Развитие этнопсихологических идей в России	68
3.1 Первое этнопсихологическое исследование в России в середине XIX века	68
3.2 Проблема национального характера в работах Н. Г. Чернышевского	74
Вопросы для самоконтроля к Модулю 3	78
Литература к Модулю 3	79
Модуль 4 Состояние этнопсихологии в СССР в первой трети 20 века	79
4.1 Г.Г. Шпет о необходимости создания этнопсихологии в нашей стране	79
4.2 Исследование А.Р. Лурия в Узбекистане как пример комплексного полевого этнопсихологического эксперимента	83
Вопросы для самоконтроля к Модулю 4	87
Литература к Модулю 4	87
Модуль 5 Этнопсихология в середине 20 века	88
5.1 Исследование межэтнических отношений, предубеждений, стереотипов в середине XX века (по работе И.С. Кона)	88
5.2 Исследование Р. Бенедикт культурных доминант и психологических различий между культурами	100
Вопросы для самоконтроля к Модулю 5	108
Литература к Модулю 5	109
Задания для самостоятельной работы	109
Темы рефератов	113
Литература для более углубленного изучения этнопсихологии	118
Глоссарий	121

Введение

Этнопсихология – сравнительно новая для нашей страны наука. Совсем недавно она еще не входила в программу учебных спецкурсов. При советской власти этнопсихологические исследования не приветствовались, поскольку считалось, что в них нет особой надобности. Декларировался невиданный расцвет каждой из этнических культур, рисовались радужные перспективы слияния всех в единую общность – Советский народ («Чтобы в мире без России без Латвий жить единым человечьим общежитьем» – В.Маяковский). В этих условиях сравнительные этнопсихологические исследования можно было легко объявить преследующими цель посеять вражду между братскими народами, доказать, что один народ в чем-то превосходит другой. Актуальность этнопсихологии резко возросла после развала СССР, когда вышли на поверхность все допущенные за десятилетия ошибки и беззакония (неправильное, крайне запутанное этнотерриториальное деление, депортации целых народов, репрессии национальной интеллигенции и т.п.). В результате произошло не только резкое обострение межэтнической напряженности (чему способствовала также совершенно непродуманная миграционная политика в 90-е годы и гораздо позднее), но и разразились межэтнические войны. Все это заставило, наконец, повернуться в сторону этнопсихологии, возродить ее в нашей стране. Одним из факторов, также придающих данной отрасли знаний актуальность, является феномен этнической консолидации (поиск корней и национальной идеи, восстановление своей государственности и языка отстаивание своих культурных ценностей и т.п.), который наблюдается не только на территории постсоветского пространства. Кроме того, изучение этнопсихологии приобретает важность в связи с усилением националистических, экстремистских тенденций в современном мире. В этой связи этнопсихологические знания приобретают особую ценность, а для более углубленного понимания современных достижений этнопсихологии, ее методологии и понятийного аппарата, на наш взгляд, было бы нелишним обратиться к истокам и ранним периодам ее развития и становления.

Модуль 1. Из предыстории этнопсихологии

1.1 Ранние литературные источники воззрений на межэтнические отношения, психологические особенности и культуру различных народов

1.1.1 Первые религиозные книги о народах и их происхождении

Всякая наука не возникает на пустом месте, всегда есть предыстория: взгляды отдельных мыслителей, накопившиеся факты и попытки их объяснений, свидетельства очевидцев, художественно-литературные источники и т.п. В полной мере это относится и к этнической психологии. Одними из самых ранних источников, в которых прослеживаются отношения людей, являются первые религиозные книги. В работе В.С. Брежнева /2/ с этой точки зрения представлен анализ таких литературных источников как Тора в иудаизме, Новый завет в христианстве, Коран в исламе. Так, в Торе появление этнических групп объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что они явились потомками трех сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета. Соответственно от одного из них произошли семитские народы: евреи, ассирийцы, арамеи и т.п., от второго – североафриканцы, египтяне и Ханаане и, наконец, от третьего – арийцы: греки, армяне, скифы и т.п. (всего 71 народ). Такое объяснение межэтнического разделения автор называет «генетическим или кровным».

Второе объяснение существования различных этносов и народов присутствует в истории с Вавилонской башней, когда люди решили построить башню до небес. В те времена у них был единый язык, но Богу не понравился их замысел и он «смешал» языки так, чтобы люди не понимали друг друга, и рассеял их по всей земле. Данное объяснение разделения людей на разные народы и языки связывается, по мнению автора, с «волевыми решениями» Бога.

Поскольку одной из важнейших форм межэтнических взаимоотношений была война, это предполагало, подчеркивает В.С. Брежнев, интерес к тем свойствам чужого народа, которые важны с точки зрения ее ведения: его название; территория, на которой он проживает; численность; антропологические характеристики (рост, сила); язык; привычные занятия; поселения; жилища и т.п. («К при-

меру, когда Моисей посылает своих разведчиков в землю Ханаан, он наказывает им: «И осмотрите землю, какова она, и народ, живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочисленен? И какова земля, на которой он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях» [цит. по 2, с.62]).

В Пятикнижии (Тора), которое сформировалось с X –VI вв. до н.э., содержатся также сведения о традиционном социальном устройстве: системе родства; семейной или родовой общине; обычаях; обрядах; семейных и брачных отношениях; одежде и пище, то есть все то, замечает автор, чем интересуется современный этнограф. По мнению В.С. Брежнева, библейская история народов, описание их взаимоотношений, генеалогия, по своей степени разработанности не имеет аналогов в истории религии. Центральное место в ней занимает народ Израиля (поскольку в Библии последовательно проводится идея богоизбранности данного народа). Автор отмечает, что «в этой истории затрагивается судьба десятков народов, упоминаются пределы их расселения, даже гибели, но в Пятикнижьи нет такой лаконичной, глубоко философской формулировки, какую предлагает христианство: «от одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию» (Деян.17:26). В этом стихе намечены новые, отсутствующие в Пятикнижьи идеи исторического развития отдельных народов: у каждого народа свой путь, своя судьба, ограниченная как во времени, так и в пространстве» [там же, с.67]. По мнению В.С. Брежнева «священные писания хранят бесценный опыт становления и развития собственно межэтнических отношений. Говоря современным языком, в них отражены практически все стороны межнациональных отношений своего времени: бытовые, правовые, морально-этические, культурные, религиозные, политические и многие другие. В каждом из писаний присутствуют «вечные» для подобного рода отношений проблемы, и даны способы их разрешения: положение «пришельца», «иноземца» внутри более или менее однородного этнического сообщества, характер взаимодействия различных этнокультур, если судьба тем или иным образом сводит народы вместе» [там же, с.74].

1.1.2 Геродот и Гиппократ о характерах людей и их связи с климатом и местностью

С появлением людей профессионально занимающихся историей, а также с расширением возможности путешествовать, посещать разные страны и вступать во взаимоотношения с представителями других народов возникают первые письменные свидетельства, отражающие, с разной степенью достоверности, впечатления путешественников о нравах, обычаях, жизнеустройстве этих народов.

Т.Г. Стефаненко констатирует, что «крупницы этнопсихологических знаний разбросаны в трудах античных авторов – философов и историков: Геродота, Гиппократ, Тацита, Плиния Старшего, Страбона» [10, с.42]. (К этому списку можно было бы еще добавить Диодора Сицилийского – Г.С.) В это время появляется идея «географического детерминизма» – объяснение различий в характере того или иного народа на основе различий в климате и местонахождении той страны, в которой он обитает.

Так, «отец медицины» Гиппократ (V век д.н.э.) полагал, что все различия между народами, в том числе их поведение и нравы, в основном связаны с природой и климатом страны. В сочинении «О воздухе, воде и суше» он замечает, что: «Азия весьма много отличается от Европы как природою всего того, что производится из земли, так и природою людей, ибо все в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиною всего этого служит умеренность времен года, так как страна расположена в середине восхода солнца к востоку и дальше отодвинута от холода» [6, с.292]. В то же время, несмотря на все благоприятные условия, «мужественный дух, выносливость к труду и смелость не могут рождаться в такой природе», поскольку, «по необходимости берет верх наслаждение» [там же, с.293]. Народы различных стран, согласно Гиппократу, различаются между собой «как вследствие перемен времен года, так и по местности». Гиппократ приводит простую аналогию: какова земля – таковы и люди, обитающие на ней («относительно земли дело обстоит так же, как и относительно людей. В самом деле, где времена

года производят весьма большие и частые перемены, там и местность является весьма дикой и весьма неравномерной, и в ней ты можешь найти весьма многие и заросшие горы, а также поля и луга. Но где времена года не слишком разнообразны, там и страна эта бывает весьма равномерна. Так же дело обстоит и по отношению к людям, если кто обратит внимание на это. Действительно есть некоторые натуры, похожие на места гористые, лесистые и водянистые, а другие – на места голые и безводные; некоторые носят натуру лугов и озер, а некоторые подходят к природе равнины и мест обнаженных и сухих, ибо времена года, которые разнообразят природу внешних образов, различаются между собою; и если между собою они окажутся многоразличными, то произведут разнообразные и многочисленные формы людей» [там же, с.293-294]. Естественно, что следуя этому принципу или логике, можно достаточно легко объяснять различия в характере людей, их душевные качества. «Что же касается вялости духа и трусости, то наиболеею причиной, почему азиаты менее воинственны, чем европейцы, и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы естественно грубеют и делаются участниками безрассудства и отваги в большей степени, чем когда все остается в одном и том же состоянии. В самом деле, перемены всего сильнее возбуждают ум человека и не позволяют оставаться в покое. Вот по этим-то причинам, кажется мне, народ Азиатский лишен всякого мужества». В то же время Гиппократ не сосредоточивается лишь на климате, он считает, что правление («власть царей»), также оказывает влияние на характер народа («там, где люди сами над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, забота у них – не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне»). Гиппократ далее убеждает читателя, что: «все те греки и варвары Азии, которые вовсе не подчинены государям, а свободны и трудятся сами для себя, являются воинственнейшими из всех, ибо они

подвергаются опасностям для самих себя и как получают награду за храбрость, так несут наказание за трусость» [там же, с.295-296].

Таким образом, в рассматриваемой нами работе, Гиппократ неоднократно возвращается к идее детерминации характера народа как природными условиями («грубость, дикость и отвага возникают в такой же природе, ибо частые возбуждения ума производят грубость нравов и, напротив, притупляют кротость и мягкость. Поэтому, я считаю населяющих Европу более мужественными, чем азиатов, ибо равномерность вещей производит леность, а разнообразие возбуждает тело и душу к труду. И от покоя и лени возрастает трусость, а от упражнения и трудов – храбрость» [там же, с.302]), так и особенностями правления (жители Европы более воинственны «благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты. Где подчиняются царям, там необходимо людям быть самыми боязливymi, о чем сказано нами прежде, ибо души, попадая в рабство, не желают добровольно подвергать себя опасности за чужую власть по-напрасному. А которые живут по своим законам, те повергаются опасностям для себя, а не для других, и они охотно по своей воле идут навстречу опасности, так как награду за победу получают сами. Таким образом, очевидно, что законы немало значат для величия духа» [там же, с.303]).

В заключение можно было бы добавить, что Гиппократ при объяснении различий в характере народов основывается на разделяемой многими древними мыслителями идее взаимосвязи души и тела: тело, подвергаясь внешнему воздействию, оказывает влияние на душу, дух человека. При этом, несмотря на то, что, перемены климата отрицательно сказываются на здоровье людей, они положительно влияют на их дух («большую частью формы людей и нравы отражают природу страны. В самом деле, где земля жирная, мягкая и содержит много влаги, воды же расположены на не очень возвышенном месте, так что летом они теплые, а зимой холодные, и времена года хороши, там люди мясисты, нерасчленены, сырые, неспособные переносить труды и в большинстве случаев слабой души. Также кажутся они вялыми и сонливыми, и в искусствах они неуклюжи, не имеют

тонкости и остроты. Но где страна голая, безводная, неровная и если она угнетается холодом и печется солнцем, там увидишь ты людей твердых, тощих, с хорошо расчлененным телом, сильных и волосатых и таких, которые от природы энергичны и бодры для деятельности. Нравы же они имеют гордые, упорные и более причастные к дикости, чем к мягкости; (...) эти люди для искусств острее и способнее и более годны для ведения военных дел. Так точно и остальное все, что производится из земли, следует природе самой земли» [там же, с.304]).

В работах Геродота («отца истории», прародителя «этнопсихологии и этнологии», жившего в V веке д.н.э.), по мнению Т.Г. Стефаненко [10], мы впервые встречаемся с этик-подходом (сравнительно культурным подходом) при изучении образа жизни других народов, с которыми он знакомился во время своих путешествий. И действительно, если мы обратимся к его трудам, то обнаружим множество интересных сравнений. «Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому, что в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами. Поэтому я должен дать более точное ее описание. Подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов. Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. Другие народы при тканье толкают уток кверху, а египтяне – вниз. Мужчины (у них) носят тяжести на голове, а женщины – на плечах. Мочатся женщины стоя, а мужчины – сидя. Естественные отправления они совершают в своих домах, а едят на улице на том основании, что раз эти отправления непристойны, то их следует удовлетворять втайне, поскольку же они пристойны, то открыто. Ни одна женщина (у них) не может быть жрицей ни мужского, ни женского божества, мужчины же (могут быть жрецами) всех богов и богинь. Сыновья у них не обязаны содержать престарелых родителей, а дочери должны это делать даже против своего желания» [5, с.91].

Геродот постоянно сравнивает обычаи, нравы разных народов между собой. Так, он отмечает, что в отличие от других стран, где жрецы носят длинные волосы, в Египте они коротко стригутся, если у других народов в знак траура родственники стригут волосы, то египтяне отращивают волосы и бороду. Если у других народов принято жить отдельно от животных, то у этого народа принято жить с животными под одной крышей, тесто они месят ногами, а глину – руками и т.п. Геродот также обращает внимание на особенности климата в Египте и его влияние на здоровье людей. Его мнение в этом вопросе не отличается от мнения от Гиппократов. («Вообще же египтяне, исключая ливийцев, самый здоровый народ на свете, что зависит, по-моему, от климата (ведь там нет смены времен года). Действительно, (климатические) перемены приносят людям большинство недугов, в особенности же смена времен года» [там же, с.103]). Т.Г. Стефаненко [10] замечает, что в данном случае мы имеем дело с «псевдо-этик» подходом, поскольку мериллом, стандартом, обуславливающим оценку и восприятие других народов, выступают культурные особенности и ценности своего собственного.

Геродот много написал о скифах (позднее, это описание у историков даже получило название «Скифский рассказ»), что послужило ценным материалом для исследователей происхождения народов нашей страны, хотя было не совсем понятно, кого именно Геродот относил к скифам и где они жили [7]. Объясняя особенности характера скифов, Геродот, опять-таки, сравнивает их с другими, хорошо ему знакомыми народами: «У скифского племени одно самое значительное из всех человеческих дел устроено самым мудрым образом сравнительно со всем, что нам известно, а все прочее я не одобряю. Самое же значительное их достижение состоит в том, что никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они не пожелают, чтобы их обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения? Это так у них придумано, причем природа

земли им благоприятствует и реки оказываются их союзниками. Ведь земля, представляющая собой равнину, богата травой и изобилует водой; рек же течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте» [7, с.117]. Геродот достаточно подробно описывает обычаи скифов, почитаемых ими богов (Гестия, Зевс, Гея, Аполлон, Афродита и т.п.), жертвенные обряды, то, как они варят мясо, используя кости животных («Если же у них под рукой нет котла, они кладут все мясо в желудки жертвенных животных и, подлив воды, поджигают кости. Кости горят прекрасно, а желудки легко вмещают мясо, очищенное от костей. И таким образом бык [варит] сам себя, и остальные жертвенные животные – каждое [варит] само себя» [там же, с.121]), обычаи, связанные с войной («Скиф, убив первого врага, пьет его кровь. Скольких человек он убьет в битве – головы их он приносит царю. Если он принесет голову, то получит долю в добыче, которую захватят, если же не принесет – не получит»), подробно описывает технологию скальпирования, отмечает, что скиф гордится когда у него много таких скальпов («платов») и возит их с собой («У кого кожаных платов больше всех тот считается самым доблестным мужем» [там же, с.123] и многое другое, что так или иначе характеризует данный народ, его культуру и образ жизни.

Таким образом психологические особенности того или иного народа часто раскрываются у Геродота и других путешественников не «напрямую», а через описание тех нравов, обычаев, ритуалов, которые поражают его воображение, кажутся дикими. Любопытно замечание Геродота по поводу предпочтения тем или иным народом своих обычаев по сравнению с чужими (один из показателей того явления, которое в современной этнопсихологии называется этноцентризмом). «Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные. Так, каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие. Поэтому как может здравомыслящий человек издеваться над подобными вещами! А что люди действительно такого мнения о своем образе жизни и обычаях, в этом можно убедиться на многих приме-

рах. Вот один из них. Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они съесть своих покойных родителей. А те отвечали, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев, которые едят тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. А те громко вскричали и просили царя не кощунствовать. Таковы обычаи народов и, мне кажется, прав Пиндар, когда говорит, что обычай – царь всего [5, с.150].

Интересно описание Геродотом обычаев народов (массагетов), связанных с обращением с престарелыми сородичами. (Массагеты жили на территории, позднее, ставшей СССР). Геродот сообщает о них следующее: «Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив иссидонов. Иные считают их также скифским племенем» [там же, с.75]. «(Никакого) предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто из них доживает до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо его варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву» [там же, с.79].

Таким образом, религиозные книги, рассказы путешественников были тем материалом, на основе которого складывались самые первые представления о других народах, их культуре, обычаях, отличиях от своего собственного. Несмотря на фантастичность некоторых описаний, они пробуждали интерес людей к разным странам и народам их населяющим, приводили к осознанию особенностей своей собственной культуры и своих собственных традиций, обычаев, ценностей.

1.1.3 Страбон о нравах народов, их обычаях и образе жизни

Страбон – знаменитый античный географ, родившийся в первом веке до н.э. и умерший в первом век н.э., воспроизводит в своей книге «География» [11] рассказы путешественников, описания других географов, историков (Эратосфена,

Геродота, Мегасфена и др.), соотнося их с текстами Гомера, мифами и просто фантастическими историями (чего стоят, например, воспроизводимые им сообщения Мегасфена о безротых людях, которые питаются «испарениями жареного мяса и запахами плодов и цветов, так как вместо ртов у них лишь дыхательные отверстия» или о людях «с ушами до ног, так, что они спят на ушах и обладают такой силой, что вырывают деревья с корнями и рвут тетивы от лука» и т.п. [там же, с.681]). В то же время Страбон использует и свои собственные наблюдения, делает критические замечания, выражает сомнения в истинности тех или иных утверждений, пытаюсь оставаться на научных позициях и т.п.

Тексты Страбона повествуют о разных краях, особенностях рельефа и климата, флоры и фауны, полезных ископаемых и опасностях, подстерегающих путешественника, содержат исторические описания, легенды, поэтические отрывки, философские высказывания, бесчисленные названия племен, народов, рассказы о войнах, нашествиях и т.п. Этнопсихологические знания представлены в сплетении с этнографическими, а психологический портрет какого-либо народа не дается в «чистом виде». Нравы людей, их характеры раскрываются через их бытописание, изредка, посредством рассказа о каких-нибудь поражающих воображение античного читателя обычаях, законах, привычках и т.п. Впрочем, иногда, автор уходит от конкретики и делает выводы самого общего характера. Так, он пишет, что «... в стране, наделенной природными благами, население миролюбиво, а в бедной стране, напротив, все служит тому, чтобы сделать людей воинственными и храбрыми» [там же, с.127], или, когда Страбон рассуждает о влиянии места обитания на образ жизни людей: «Вообще говоря, края населенного мира, лежащие вдоль неумеренного пояса, необитаемого из-за жары или холода, должны быть как бы извращением и ухудшением умеренного пояса. Это можно усмотреть из образа жизни их обитателей и из недостатка у них жизненных потребностей. Действительно, они влачат жалкое существование, по большей части ходят нагими, ведя кочевую жизнь» [там же, с.756]. К такого рода обобщающим выводам можно отнести также утверждение, что государственное устройство оказывает влияние

на нравы людей. («Согласие возникает только там, где устранены раздоры, протекающие от своекорыстия и роскоши. Действительно, если граждане ведут умеренную и простую жизнь, то у них нет ни зависти, ни заносчивости, ни ненависти по отношению к равным себе» [там же, с.457]).

Вполне естественно, что Страбон в своих описаниях отталкивается (как от некоторых эталонов) от тех обычаев, норм, уровня культуры, которые существовали у греков, поэтому, нередко, характеризуя какой-нибудь народ, использует такие выражения как: «у них звериная и скотская натура» или «они свирепее зверей», «отличаются дикостью», «неукротимостью», «духом строптивости». («Этот дух строптивости особенно усилился среди иберийцев, так как это племя соединяет с ним еще природное коварство и неискренность» [там же, с.154]). Описывая скифов, он сетует на то, что приобщение к другому образу жизни приводит к ухудшению нравов народов. «Ведь мы считаем скифов самыми прямодушными, меньше всего способными на коварство, а также гораздо более бережливыми и независимыми, чем мы. Вообще говоря, принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков – гнусные происки и порождающие их бесчисленные порождения алчности. Подобного рода нравственная испорченность в значительной степени затронула также и варварские племена, в особенности «кочевников». Действительно, после знакомства с морем они не только стали хуже в моральном отношении (так, они обратились к морскому разбою и убивали чужестранцев), но соприкосновение со многими племенами привело к тому, что они заимствовали от них роскошь и торгашеские наклонности. Это, правда, способствует мягкости нравов, но все же портит их, так как честность сменяется хитростью, о чем я только что сказал» [там же, с.275-276].

Этнографические сведения о других народах у Страбона не систематизированы, создается впечатление свободного повествования, обусловленного интересом автора к той или иной стороне жизни этносов. Если все же попытаться выделить те аспекты жизни других народов, на которые Страбон обращает внимание

прежде всего, то это: государственное устройство; внешний вид людей, их антропологические данные; военная доблесть, храбрость или трусость; устройство жилищ; пища и ее приготовление; физическое и нравственное воспитание молодежи; отношения между полами; отношение к родителям и обращение с покойниками; почитание богов и жертвоприношения. Можно сказать, что это те, еще несформулированные четко, своеобразные «культурные универсалии», на основе которых, время от времени, Страбон пытается сравнивать культуры. Наиболее полные описания быта и обычаев касаются индийцев (Страбон хвалит их за скромный образ жизни, дисциплину, честность, несклонность к воровству, простоту и бережливость, благодаря которой они живут счастливо, за то, что они не страдают сутяжничеством, высоко ценят красоту, уважают правду и доблесть, за то, что они искусные ремесленники, у них нет рабов и т.п., подробно описывает их обычаи и быт, а также философию), албанцев, массагетов (он, среди прочего, отмечает их мужество и пишет, что «это люди самобытные, дикие и воинственные, однако при деловом общении честные и не обманщики» [там же, с.485]), критян (достаточно подробно описывает их обычаи, связанные со вступлением в брак, совместным обучением и воспитанием детей, государственное устройство, любовные отношения между взрослыми мужчинами и мальчиками, и т.п.), персов (жертвоприношение, религия, обучение детей и юношей, одежда, пища), в меньшей степени – скифов, ассирийцев, троглодитов, ливийцев, маврусиев и др. Поскольку одной из важнейших характеристик народа является степень его воинственности, то и другие качества, свойства людей «встраиваются» в описания их военной доблести, сопутствуют им. «Все племя, теперь называемое галльским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги. Если же их убедить, то они

легко доступны соображениям пользы, так что способны воспринимать не только образование вообще, но также науку. Что касается их силы, то она зависит отчасти от крупного физического сложения, а частью обусловлена их многочисленностью. Они легко собираются вместе в большом числе, так как отличаются простотой, прямодушием и всегда сочувствуют страданиям тех своих близких, кому, по их мнению, чинят несправедливость [там же, с.186]. Однако, тут же замечает Страбон, «вдобавок к храбрости у них еще много глупости и хвастовства, а также страсти к украшениям, ибо не только носят золотые украшения-ожерелья вокруг шеи и браслеты на руках и запястьях, но и сановники носят разноцветную расширенную золотом одежду. В силу такой душевной пустоты они нестерпимы как победители и выглядят совершенно растерянными, потерпев поражение. Кроме того к их глупости присоединяется еще варварский и экзотический обычай, свойственный большинству северных народов, возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибивать их гвоздями на показ перед входом в дом [там же, с.187].

В качестве примера описания внешнего вида людей, того, как выглядят воины можно привести рассказ Страбона о персах: «Вооружение персов состоит из плетеного щита ромбовидной формы; кроме колчана, у них есть секиры и сабли; на голове они носят войлочную шапку в виде башни; панцирь у них чешуйчатый. Одевание начальников стоит из тройных штанов и двойного хитона с рукавами, доходящими до колен; нижняя одежда – белая, а верхняя – разноцветная. Летом персы надевают пурпурный или разноцветный гиматий, а зимой – только разноцветный; тиары их похожи на те, которые в моде у магов, обувь носят глубокую, двойную. Одеждой большинства народа служит двойной хитон до середины икр и кусок льняной материи на голове» [там же, с. 681-682].

Описания физического облика представителей того или иного племени, иногда, очень поверхностны, поскольку автор тут же переходит к другим их характеристикам, образу жизни и обычаям. Так, например, про албанцев он пишет, что они: «отличаются красотой и высоким ростом, вместе с тем они простодушны

и не мелочны. У них в употреблении нет чеканной монеты, и, не зная числа больше 100, они занимаются лишь меновой торговлей. И в отношении прочих жизненных вопросов они высказывают равнодушие. Точные меры и вес им неизвестны. К вопросам войны, государственного устройства и земледелия они относятся беззаботно. Однако сражаются они как в пешем строю, так и верхом в легком и тяжелом вооружении подобно армянам» [там же, с.476]. Далее он обращает внимание на отношение к родителям и покойникам: «Старость у албанцев в чрезвычайном почете и не только родителей, но и прочих людей. Заботы о покойниках или даже воспоминание о них считаются нечестием. Вместе с покойниками погребают и все их имущество и потому живут в бедности, лишённые отцовского достояния» [там же, с. 477].

Вообще, отношение к смерти, мертвым, к старости, покойным родителям – одна из непереносимых тем у Страбона, когда он упоминает о каком-либо народе. «Другие же не придают смерти никого, даже величайших преступников, но только изгоняют их вместе с детьми из пределов страны, в противоположность обычаю дербиков, у которых заведена казнь за незначительные проступки. Дербики почитают Землю-Мать; они не приносят в жертву и не едят никакого существа женского пола. Мужчин, умирающих до 70 летнего возраста, они не поедают, а только хоронят (...) Каспийцы умерщвляют голодной смертью людей, которым за 70 лет, и выбрасывают их трупы в пустынные места; затем они наблюдают издали: если увидят, что птица стаскивает трупы с носилок, то считают покойников блаженными, если же дикие звери и собаки – то менее блаженными; если трупы никто не утащит, то считают их несчастными [там же, с.491] Троглодиты (жители пещер) «погребают своих покойников, привязав шею трупов к ногам прутьями из палиура, затем с веселым смехом они тотчас забрасывают трупы камнями, пока тела не станут видно; потом, положив на кучу камней козий рог, уходят» [там же, с.718]. Про эфиопов он сообщает: «Что до покойников, то одни выбрасывают их в реку, другие же держат дома, положив под стекло; иные, наконец, погребают их в глиняных гробах вокруг святилищ они требуют выполнения клятв, приносимых

от имени покойников и считают эти клятвы самыми священными из всех» [там же, с. 757]. Что касается набатеев (он характеризует их как разумный и хозяйственный народ, у которого принято публично наказывать расточителя имущества и награждать того, кто увеличил его), то «мертвые тела они считают навозом, согласно изречению Гераклита, который говорит: «Мертвых скорей, чем навоз, удалять подобает». Поэтому-то они погребают даже царей у навозных куч» [там же, с.724]. Про бактрийцев он пишет, что «людей изнуренных старостью и болезнями они бросали живыми собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке они называли могильщиками [там же, с. 487].

Страбон часто обращает внимание на схожесть или отличие тех или иных обычаев у разных народов, сравнивает их между собой или отмечает их своеобразие, особенно тогда, когда это касается государственного устройства или отношений между племенами. Так, про обычаи ассирийцев, он замечает, что они «вообще похожи на персидские обычаи; впрочем, своеобразным у них является обычай ставить во главе каждого племени трех мудрых людей, которые выводят на народ девушек, достигших брачного возраста, и продают их с торгов женихам, причем всегда в первую очередь девушек более знатных. Таким образом там заключаются браки (...) У них существует 3 высших судебных учреждения, кроме установленного царем. В состав одного входят лица, уже освобожденные от военной службы, другое состоит из знатнейших людей, третье – старцев. Обязанность последнего [судилища] – выдавать девушек замуж и разбирать жалобы о прелюбодеянии; другое ведает делами о воровстве, третье – о насилиях. Больных они выносят на перекрестки и спрашивают прохожих, не знает ли кто какого-нибудь лечебного средства против болезни; и среди прохожих не встретишь ни одного столь неблагородного человека, который, повстречавшись, не посоветовал бы, если помнит, какого-либо целительного средства. Одежда вавилонян состоит из льняного хитона, доходящего до ног, шерстяного верхнего платья и белого гиматия; они носят длинные волосы и обувь вроде туфель. Они носят также кольца с печатками и палку, но не гладкую, а с изображением наверху яблока, розы, лилии или чего-

нибудь в таком роде. Они умащаются сесамом. Покойников оплакивают подобно египтянам и многим другим народам; хоронят в меду, облепив воском» [там же, с.691-692].

Таким образом, Страбон в своей «Географии», в основном, представляет читателю чисто этнографические сведения: описание быта, обычаев, внешнего вида представителей того или иного народа и т.п. Что касается психологических портретов представителей того или иного этноса, то они редки, фрагментарны, носят случайный характер, вплетены в ткань этнографического повествования. В то же время на основе этих описаний, а также историй, мифов, связанных с тем или иным народом, у читателя невольно складывается психологический облик его представителей и определенное отношение к ним, а сама картина существования бесчисленных племен со своими, часто поражающими воображение нравами, внешним обликом, образом жизни, создает ощущение живой, изменчивой формы единого рода человеческого.

1.1.4 Плиний Старший и его мифологическое описание племен и народов

Плиний Старший (Гай Плиний Секунд) – древнеримский писатель-эрудит, (родился между 22-24 гг. н.э. – умер в 79 г. н.э., автор «Естественной истории» [9] крупнейшего энциклопедического сочинения античности.

Количество племен или народов, которым Плиний Старший дает какую-либо характеристику или сообщает что-либо из их образа жизни, а не просто перечисляет название и область обитания – не столь велико, при этом он часто просто воспроизводит мифические рассказы других авторов, не вдаваясь в их критику. «Если верить писателям, атлантам чужды человеческие обычаи: они не называют друг друга по именам, смотря на восток и заход солнц как на гибель для них самих и их полей, ужасно проклиняют его и не видят во сне того, что остальные смертные. Троголоиды роют пещеры, это их дома, пища – мясо змей, и вместо голоса шипение, даже дара речи они лишены. Гараманты, не вступая в брак, живут со всеми женщинами без разбора. Авгилы чтят только подземных богов. Гамфа-

санты ходят голые и, не имея никакого понятия о войне, не общаются ни с одним чужеземцем. Рассказывают, что у блеммийцев нет голов. Рот и глаза находятся на груди. У сатиров, кроме внешнего сходства, нет ничего человеческого; эгипапы выглядят так, как их обыкновенно изображают. Гимантоподы косолапы, они не ходят, а ползают. Фарузийцы, или древние персы, сопровождали, говорят, Геракла, когда он направлялся к Гесперидам [там же, кн. 5, фрагменты VIII.45, 46]. По поводу аримфеев, пишет, что: «живут они в лесах, питаются ягодами; иметь [на голове] волосы считается позором как у женщин, так и у мужчин; нравы у них кроткие, и поэтому они славятся, говорят, святыми и не подвергаются обидам даже со стороны диких соседей, и [притом] не только они сами, но и те, которые прибегают под их защиту» [там же, кн. 6, фрагмент XIV.35]. Не забывает упомянуть и другие полумифические или мифические племена. Например, он сообщает о многочисленных скифских племенах, питающихся человечиною (античные авторы традиционно приписывали каннибализм удаленным от них народам), упоминает племя аримаспов «с одним глазом посреди лба», воюющих с крылатыми зверями-грифами, которые добывают в подземных шахтах золото, «причем звери с удивительной жадностью сторожат золото, а аримасы его похищают». Пишет он, ссылаясь на других авторов, и про то, что существуют лесные люди с «вывернутыми назад ступнями, отличающиеся чрезвычайной быстротой и блуждающие повсюду вместе со зверями», причем, «эти люди не могут дышать (= жить) в другом климате», про людоедов, которые пьют из человеческих черепов и носят скальпы «на груди вместо полотенец», про то, что в «(Кавказской) Албании рождаются люди с серо-синими глазами, с детства седые и ночью, видящие лучше, чем днем», про савроматов, которые едят через день, про офиогенов (название означает: «рожденные от змей»), которые могут исцелять укусы змей прикосновением и «удалять яд из тела наложением руки на место укуса», о том, что «существуют люди, чья слюна является средством против змеиного укуса», оказывается «в их телах вырабатывается яд, который смертелен для змей и запах которого они используют для усыпления змей. Еще они имеют обычай подкладывать новорожденное дитя

самой свирепой змее, чтобы проверить верность своих жен, поскольку змеи кусают младенцев, родившихся от связи их жен с чужестранцами». Появляется в его повествовании и упоминание об андрогинах, которые «сходятся с мужчинами и женщинами попеременно. Аристотель пишет, что их левая грудь – мужская, а правая – женская». Сообщает про людей-колдунов, у которых в глазу два зрачка [кн. 7, фрагменты II.9-II.16]. Пересказывая Мегасфена, пишет о людях с песьими головами, которые носят шкуры диких животных и «чья речь прерывиста наподобие лая», о людях, у которых только одна нога, с помощью которой они очень быстро перемещаются прыжками, а также про племя «скиаподов, которые в жару лежат на земле и заслоняются тенью от ног (там же, фрагменты II.23).

Пытаясь связать между собой внешность людей, строение их тел, характер и климат, в котором они живут, Плиний Старший рассуждает следующим образом: «близость светила обожгла эфиопов и что их как бы обугленные бороды и курчавые волосы – их прирожденные черты. А на противоположном конце мира обитают народы с бледной и снежно-белой кожей, с рыжими прямыми волосами. И вот они из-за жесткости климата яростны, эфиопы же из-за его мягкости апатичны. Уже по их [эфиопов] ногам видно, что жара вытягивает в них сок наверх, а у северных племен соки отгоняются вниз из-за падения жидкости туда. В их землях обитают неповоротливые звери, в землях же эфиопов формы животных весьма различны. Особенно же многообразны порождаемые там пернатые. И в той и в другой стране жители высокорослые, но эфиопы из-за силы огня, а северные народы – от питающего действия влаги. Климат же промежуточных поясов здоровый благодаря смешению обоих элементов, почва плодородна ко всему, люди там среднего рода, обычаи гуманные, чувства проникновенные, умы творческие и способные постигать природу в ее целостности. У этих людей также мощные империи, каких совсем не бывало у народов крайних, которые, это правда, никогда им [народам умеренной зоны] не подчинялись, зато перед свирепостью угнетающей их природы остались разрозненными и одинокими» [там же, книга 2, фрагменты LXXX. 189, 190].

Плиния Старшего интересуют странности, необычные черты в характере других народов и образе их жизни. Так о племени исседонов он сообщает следующее: «На запад от берегов озера, там, куда не доходят вредные испарения, живут исседоны, замкнутое и странное, если сравнить с другими, племя. Исседоны живут совсем без женщин, отказавшись от любви, без денег, в обществе пальм. Число их пополняется в равной мере изо дня в день за счет пришельцев, потому что к ним приходит много жизнью людей, которых переменчивость судьбы толкает к такому образу жизни. Так продолжается в течение тысячелетий, и кажется невероятным, что существует племя, в котором нет рождаемости. Столь плодотворно для исседонов недовольство других людей жизнью [там же, кн. 5, фрагмент XV.73]. По поводу характера китайцев (серов) он замечает: «Серы – мирные, правда, но они точно совсем как звери избегают схождения с остальными смертными, выжидают прибытия других для торговли», и их внешности «сами они превышают величину людей, у них рыжие волосы, голубые глаза, грубый голос, они совершенно не вступают в словесное общение» [там же, кн. 6, фрагмент XX.54, XX.88].

Несмотря на поверхностность, фрагментарность, некритичность в изложении этнографических сведений, пересказ мифов и мифологических сюжетов, в самом начале седьмой книги, посвященной человеку, ярко проявляется литературный талант автора, его мировоззренческая позиция, выраженная глубокими экзистенциальными размышлениями. Рассуждения Плиния Старшего о человеке, о человеческой судьбе, о рождении и выживании человека, отношении людей друг к другу наполнены пессимизмом и даже трагизмом. Природу он называет не матерью для человека, но «хмурой мачехой». Ведь «он единственное из живых существ на свете, которое природа одевает за счет других», только человека природа «создала голым и таковым выбросила на голую землю, предоставив ему кричать и жалобно плакать. Нет ни одного животного, которое проливало бы слезы, и притом с первого дня своего появления на свет. А ведь смех, ей-богу, самый первый смех, появляется у человека только на сороковой день его жизни! Нечего ска-

зять, счастливое рождение. Вот он лежит, крепко спеленутый по рукам и ногам, плачущее животное, господин природы, он начинает жить с мучений незаслуженных, потому, что не совершил другого поступка, кроме того, что родился. Какое безумие после такого начала считать себя рожденным для гордого превознесения! Первая проба своей силы приравнивает его к какому-то четвероногому. Когда-то еще пойдет он человеческой походкой! Когда-то заговорит? Когда челюсти начнут пережевывать пищу? Когда кончится качание его головы – признак его слабости по сравнению с животными? А сколько еще ждет его болезней и сколько придуманных лекарств, которые потом оказываются бессильными против бедствий! Животные располагают прирожденными умениями: одни быстро бегают, другие высоко летают, третьи плавают в воде; человек ничего не умеет, пока с трудом не выучится, ни говорить, ни ходить, ни добывать себе пищи, ничего, ничего ему не дано само собою, кроме плача. Поэтому многие думали, что лучше бы человеку не родиться или, по крайней мере, кончать свое существование как можно скорее. Человеку одному только и дано печалиться об умершем, человеку одному дана склонность к роскоши, и притом на бесчисленное множество способов и для всех частей своего тела. Ему одному даны честолубие, корыстолубие, ему одному – непомерная жажда жизни и суеверие. Ему одному свойственны хлопоты о погребении умерших и забота о том, что будет после смерти. Ни у кого нет более хрупкой жизни, ни у кого таких влечений, такого безумного распада чувств. Наконец, другие живые существа добропорядочно обходятся с подобными себе, соединяются вместе и враждуют с непохожими на них видами: свирепые львы не бросаются друг на друга, змеи не угрожают змеям своими укусами, морские звери и рыбы хватают только особей других видов; а вот, воистину, человеку, больше всего зла доставляется от человека» [там же, кн. 7, фрагменты: I.1-I.5].

Таким образом, Плиний Старший в своей «Истории», в основном, воспроизводит рассказы других авторов, часто носящие мифологический характер, что и характеризует этот ранний донаучный период накопления этнопсихологических знаний. В то же время мысли автора о человеке, его судьбе, месте человека в при-

роде, отношениях между людьми свидетельствуют о высоком уровне философского осмысления вечных проблем человеческого существования и вовсе не кажутся устаревшими.

1.2 Проблема национального характера в работах Ш. Монтескье и И. Канта

Идея обусловленности характера того или иного народа климатом и географическим положением страны обитания получает свое дальнейшее развитие в Новое время в работах Ш. Монтескье (1689-1755).

Ш. Монтескье был одним из главных представителей «географической теории общественного развития». Он полагал, что среда выступает в качестве одного из важнейших факторов возникновения различных форм государственного правления. При этом, по мнению М.П. Баскина, «ссылаясь на географическую среду он хотел доказать, что ход истории зависит не от воли бога, а от чисто естественных причин и что поэтому не религия, а наука в состоянии понять закономерности общественной жизни» [2, с.66].

В одной из своих книг («О законах в их отношении к свойствам климата») Ш.Монтескье проводит идею о влиянии климата на характер людей, обычаи нравы, на формы государственности. Климату он придавал особое значение, так как считал, что он определяет характер ума и страсти людей. Люди, которые живут в холодном климате, считает он, более крепки физически, более активны, целеустремленны, трудоспособны. Жара же способствует формированию лени, равнодушия, изнеженности. Механизм, объясняющий это явление очень прост: климат действует на тело человека, а оно в свою очередь влияет на его дух. «Холодный воздух, производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость» [цит. по 1, с.68].

Итак, Ш. Монтескье полагал, что в холодных странах люди крепче, здоровее, чем в жарких. Это, в свою очередь, сказывается на их характере. Здоровый человек больше доверяет себе, имеет больше мужества, уверенности. В нем меньше подозрительности, хитрости, больше прямооты. Вот как он доказывает свою мысль: «Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки как старики; народы холодных климатов отважны как юноши» [там же]. Не следует полагать, что Ш. Монтескье полностью отрицал влияние других факторов на «дух народа» (понятие, которое впервые появляется у французских просветителей). Так он писал: «многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» [цит. по 6, с.44]. (Т.Г. Стефаненко [10] отмечает, что, по мнению Монтескье, с течением времени влияние климата на дух народа ослабевает, а влияние других факторов возрастает). Ш. Монтескье также полагал, что если государство находится на равнине, то это способствует деспотическому режиму, а если в гористой местности, то это благоприятствует свободе. По его мнению, жители островов более склонны к свободе, чем жители континентов. «Острова бывают обыкновенно небольших размеров; там труднее употреблять одну часть населения для угнетения другой; от больших империй они отделены морем, и тирания не может получить от них поддержку; море преграждает путь завоевателям; островитянам не угрожает опасность быть покоренными, и им легче сохранять свои законы» [цит. по 1, с.70].

Другой выдающийся философ – И. Кант (1724-1804) считал, что характер народа не зависит от формы правления. По его мнению, это – ничего не объясняющее утверждение, поскольку неясны причины ее преобладания. Климат и

почва, полагает он, также не могут быть определяющими факторами, поскольку: «переселения целых народов доказали, что эти народы на новых местах не изменяли своего характера, а только старались приспособить его к новым условиям и что при этом в языке, в роде занятий, даже в одежде все еще видны следы их происхождения и тем самым их характер» [8, с.565].

И. Кант попытался кратко представить психологические портреты ряда народов, часто, обращая внимание в большей степени на их недостатки, чем достоинства. Так, свойства французов и англичан он выводит из различий их культуры. Французы, по его мнению, характеризуются «наибольшим вкусом в общении», особенно с женщинами высшего круга, они вежливы с чужестранцами. Такая их склонность содействует «услужливости, благоволению, готовому оказывать помощь, и постепенно должна способствовать общему человеколюбию из принципа и делать такой народ *достойным любви*» [там же]. Недостатки французского народа, утверждает автор, состоят в его живости, легкомыслии, в наличии заразного духа свободы.

Что касается англичан, то, по мнению И. Канта, вторжение немцев и французов «стерло оригинальность этого народа», а его островное положение побудило англичан к завоеваниям и «сделало их могущественным народом, ведущим морскую торговлю, то они приобрели характер, который они выработали себе сами, хотя от природы у них, в сущности, нет никакого характера, (...) характер англичанина означает не что иное, как рано усваиваемое обучением и примером основоположение, что он должен выработать себе характер, т. е. делать вид, что он его имеет» [там же, с.566]. В характере англичан И. Канту не нравится их неуважение к чужестранцам. Он с явным осуждением отмечает, что если к своим землякам англичане относятся как никакие другие народы, то «чужестранец, которого судьба забросила на английскую почву и который попал в большую нужду, всегда может умереть на навозной куче, так как он не англичанин, т.е. не человек» [там же, с.567]. Станным для И. Канта кажется, что француз хорошо относится к англичанам, уважает и хвалит английский народ, а англичанин ненави-

дит и презирует французов. Он объясняет это духом соперничества и историческим сложившимися между ними отношениями.

Рассуждая о других народах, И. Кант считает, что их характер обусловлен природными задатками, образовавшимися от смешения различных племен. Испанцы (смешение европейской и арабской крови), по его мнению, характеризуются «торжественностью» в общественной и частной жизни, чувством собственного достоинства, национальной гордости, умеренностью, преданностью законам. При этом хорошая сторона испанца состоит в том, что, не смотря на свою серьезность, он готов развлекаться. Более слабой стороной испанца, считает, автор, является то, что: «испанец ничего не перенимает от иностранцев. Не путешествует, чтобы познакомиться с другими народами, и в науках отстал от других на целые века; он враждебно относится ко всяким реформам и гордится тем, что может не работать; у него романтическое расположение духа, что доказывает бой быков; он жесток, как об этом свидетельствуют прежние аутодафе, и в своих вкусах обнаруживает отчасти внеевропейское происхождение» [там же, с.569].

По мнению И. Канта, итальянцы сочетают в себе черты французов (живость, веселость) и испанцев (серьезность, твердость). Кроме того, их характеризует чувство возвышенного, прекрасного, их лица он считает выразительными, а речи итальянских адвокатов страстными. Сравнивая итальянцев с французами, И. Кант отмечает, что у французов – тонкий вкус в обхождении, а у итальянцев – тонкий художественный вкус. Итальянцы («не забывая о корысти», – замечает И. Кант) изобрели векселя, банки, лотереи. Это, по мнению немецкого философа, их хорошая сторона. Ему также нравится та свобода, с которыми гондольеры обращаются с господами. Слабые стороны итальянцев состоят в том, что «они, как говорит Руссо, ведут беседы в роскошных залах, а спят в крысиных норах» /там же/. Дурные стороны итальянцев: привычка хвататься за нож, бандиты и т.п.

Немцы, считает И. Кант, отличаются честностью и домовитостью, из всех народов они легче всего подчиняются властям, правительству и не склонны к переменам и к сопротивлению существующему порядку. Характер немца – это «со-

единенная с рассудительностью флегма, и он не умствуем относительно установленного порядка, как и не пытается придумать новый. Но при этом немец – человек всех местностей и всех климатов, легко переселяется в другие места и у него нет страстной привязанности к родине» [там же, с.570]. И. Кант выделяет такие качества немцев, как: чистоплотность, прилежание, бережливость, холодную рассудительность, выдержку, скромность. Немцы гостеприимны, они «в строгой дисциплине приучают детей к благонравии». Невыгодные качества немцев, «по И.Канту», таковы: они невысокого мнения о себе, у них склонность к подражанию, страсть к методичности, классификации, педантичность.

Об остальных народах И. Кант ничего существенного не пишет или пишет очень осторожно. По его мнению, о России еще рано судить, о Польше уже поздно, а национальности Турции никогда не будут тем, что позволит говорить о национальном характере, греки отличаются живостью и легкомыслием, армяне торговым духом. Заканчивает свои рассуждения И. Кант весьма пессимистичной мыслью, что «смешение племен», при котором характеры людей постепенно стираются, мало полезно для человеческого рода.

Таким образом, И. Кант в данном произведении демонстрирует элементы сравнительно-культурного подхода и, скорее, воспроизводит, устоявшиеся к тому времени стереотипы (выделяя их негативную и позитивную составляющие), чем действительно дает сколько-нибудь глубокий анализ национального характера. Объяснения особенностей того или иного народа природными задатками, образовавшимися от смешения различных племен, также носят редуccionистский характер. Однако данная работа показывает, что проблема национального характера, национальной психологии никогда не оставалась без внимания самых выдающихся мыслителей.

1.3 Д. Юм о национальных характерах и причинах их формирующих

Д. Юм (1711-1776) – знаменитый английский философ в своей работе «О национальных характерах» (1748) [12] касается проблемы детерминации свойств,

черт характера народов, последовательно критикует традиционные представления об исключительном влиянии климата на их формирование.

Свое рассуждение Д. Юм начинает с констатации того факта, что однажды сложившееся мнение о каком-либо народе далее приобретает устойчивость (по сути, описывая эмпирически подтвержденное в 20 веке известное свойство этно-стереотипов). Он пишет, что: «однажды установив в качестве принципа, что такой-то народ – это мошенники, трусы или невежды, оно не допускает никаких исключений и каждому человеку [из этого народа] заранее ставит все это в вину» [там же, с.605-606]. Д. Юм считает, что это несправедливо, хотя и соглашается, что какое-либо качество может быть в большей степени выражено у определенного народа по сравнению с другим, например, честность, остроумие, веселость, знания. Он последовательно рассматривает выдвигаемые обычно причины различий в национальных характерах, делит их на «моральные» и «физические». «Моральные – это «все обстоятельства, которые способны воздействовать на ум как мотивы или основания и которые делают определенный комплекс обычаев привычным для нас. К таковым относятся форма правления, социальные перевороты, изобилие или нужда, в которых живет население, положение нации в отношении своих соседей» [там же, с.606]). Физические причины – это «качества воздуха и климата, которые, по-видимому, постепенно и незаметно влияют на характер, изменяя тонус и сложение тела и придавая людям определенный темперамент, который хотя и можно иногда преодолеть при помощи размышлений и разума, но который все же будет преобладать у большей части людей и оказывать влияние на их обычаи» [там же]. Д. Юм рассматривает нацию как совокупность индивидов и полагает, что именно моральные причины во многом определяют обычаи людей. Так, тяжелый физический труд, нищета может привести к тому, что люди становятся неспособными к науке или требующей искусности профессии, а слишком деспотичное правление оказывает влияние на характер и ум людей и приводит к исчезновению свободных искусств. По его мнению, именно моральные причины приводят к такому сходству, которое существует у людей определенных профес-

сий (например, солдат или священников), ведущих определенный образ жизни. В действии физических причин Д. Юм сомневается («я не думаю также, чтобы люди были обязаны какой-либо чертой своего характера или духа воздуху, пище или климату» [там же, с. 608]), хотя и соглашается с тем, что физические причины оказывают влияние на животных, которые теряют свои природные качества в другом климате. Однако не так, по его мнению, дело обстоит с людьми. Все дело в том, что люди склонны к общению, чрезвычайно предрасположены к подражанию друг другу, считает Д. Юм, и это общение неминуемо приводит к схожести нравов, ибо они передают друг другу и пороки и добродетели. Эту мысль он развивает следующим образом: «Склонность к общению и объединению в общества сильна у всех разумных существ; и то же самое предрасположение, которое дает нам эту склонность, заставляет нас глубже вникать в настроения друг друга и вынуждает сходные аффекты и склонность передаваться подобно инфекции всему клубу или союзу компаньонов. Когда ряд людей объединен в одну политическую организацию, случаи, когда они собираются для совместных бесед по вопросам обороны, торговли и управления, должны быть так часты, что вместе с одинаковой речью или языком они должны приобрести сходство в нравах и иметь общий, или национальный характер наряду со своим личным, присущим каждому отдельному лицу» [там же, с.610-611]. Выраженность той или иной черты в национальном характере Д. Юм объясняет тем, что разные виды характера и ума представлены в человеческом сообществе в разных пропорциях, что на ранних этапах развития того или иного общества приводило к тому, что какая-либо черта «преобладала в смеси и «придавала национальному характеру определенный оттенок» [там же, с.611]. Кроме того, на нравы народов оказывают влияние «лица, пользующиеся доверием и авторитетом», а у них разные характеры. Большое влияние оказывает и воспитание последующих поколений, ранние впечатления: «Что бы ни формировало нравы одного поколения следующее усвоит более сильную степень того же самого, ибо ведь люди более чувствительны ко всем впечатлениям, полученным ими в детстве, и сохраняют эти впечатления, пока живут на свете. Я

утверждаю в таком случае, что все национальные характеры, если они зависят не от твердых *моральных* причин, вытекают из таких случайностей, как эти, и что физические причины не имеют заметного влияния на ум человека» [там же]. В доказательство отсутствия влияния воздуха или климата на нравы Д. Юм приводит многочисленные доводы. Во-первых, он отмечает, что если люди в течение долгого времени принадлежали какому-то большому государству, то они становились сходными по национальному характеру. «Так китайцы имеют самое большое единообразие характера, которое только можно себе представить, хотя воздух и климат в различных частях тех обширных владений весьма разнообразны» [там же, с.612]. Во-вторых, он отмечает факт различия в национальных характерах у людей, живущих в небольших, но располагающихся рядом государствах. Они часто настолько отличаются по своим нравам, что как будто принадлежат к разным нациям. «В третьих, один и тот же национальный характер обычно четко совпадает с границами государства; и, перейдя реку или перевалив через горный хребет, ты найдешь новый комплекс нравов и обычаев вместе с новым государством (...) Возможно ли, чтобы качества воздуха менялись в точном соответствии с границами империи, которые так сильно зависят от случайностей битв, переговоров и [династических] браков» [там же]. В-четвертых, отмечает Д. Юм, если люди, находящиеся среди других народов сохраняют тесное общение, образуют сообщество, то «они приобретают сходные нравы и у них бывает очень мало общего с народами, среди которых они живут» [там же]. Д. Юм анализирует влияние предрассудков на восприятие представителей того или иного народа находящегося среди большего по размерам. По его мнению, в небольшой группе требования морали выполняются строже, поскольку люди более заметны и «проступки отдельных лиц навлекают бесчестие на всех» [там же]. Автор делает проницательное замечание о влиянии предрассудков на восприятие и отношения людей: «Суеверие и предрассудки большего по численности общества настолько сильны, что меньшее сообщество обвиняется в бесчестье независимо от того, каково на самом деле его поведение. В этом случае, ввиду того, что репутация небольшой группы

не может ничего ни приобрести, ни утратить, люди, входящие в нее, становятся небрежными в поведении, за исключением тех случаев, когда дело касается отношений между своими» [там же, с.613]. В-пятых, если две нации живут в одной стране и между ними существуют различия в языке или религии, то они могут существовать, не смешиваясь друг с другом, и в результате «они сохраняют в течение нескольких столетий отличные друг от друга и даже противоположные комплексы нравов». В-шестых, Д. Юм отмечает, что национальный характер не меняется, где бы не находились представители кого-либо народа («один и тот же комплекс нравов следует за представителями нации и остается присущ им на всем земном шаре, так же как те же самые законы и тот же самый язык»). «В-седьмых, нравы одного народа весьма значительно меняются с течением времени либо из-за огромных изменений в системе правления, либо из-за смешения с другими народами, либо из-за того непостоянства, которому подвержены все людские дела. Изобретательность трудолюбие и активность древних греков не имеют ничего общего с глупостью и праздностью нынешних обитателей соответствующих районов. Прямота, храбрость и любовь к свободе составляли характер древних римлян, так же как коварство трусость и рабская покорность отличают их современных потомков» [там же]. В-восьмых, тесное общение, благодаря торговле, политике нескольких соседствующих наций приводит к их сходству в нравах. В-девятых, Д. Юм обращает внимание на «поразительное смешение нравов и характеров в одной и той же нации, говорящей на одном языке и подчиняющейся одному правительству». Примером такой нации для него являются англичане, и объясняет он это тем, что «английская система правления представляет собой смешение монархии, аристократии и демократии (...) И та огромная свобода и независимость, которой пользуется здесь каждый человек, позволяет ему проявлять нравы, присущие только ему. Поэтому англичане из всех народов вселенной почти не имеют общего для них национального характера, если только сама указанная особенность не может сойти за таковой» [там же, с.614-615].

Д. Юм опровергает также точку зрения, утверждающую, что холод и тепло оказывают сильное влияние на характер людей и народы, живущие в слишком теплом или холодном климате, неспособны к высоким достижениям. По его мнению, для объяснения этого можно найти причины иного характера, чем физические («бедность и невзгоды жителей севера и леность из-за малого количества нужд тех, кто обитает на юге, может, пожалуй, объяснить это примечательное различие без привлечения *физических* причин» [там же]). В объяснении различий между народами Юм стоит на расистских позициях, считает, что белая раса выше всех остальных, поскольку, лишь ее представители известны «своими деяниями и размышлениями». Причина этому, по его мнению, кроется в изначальных природных различиях между расами. («Такое единообразное и постоянное различие не могло бы пройти через столько стран и веков, не проведи природа первоначальную границу между этими породами людей» [там же]). Для объяснения таких черт, приписываемых северным нациям по сравнению с южными, как прямота, искренность, большая мужественность и воинственность Д. Юм опять таки привлекает нефизические причины: случайность, бедность, нужда. Не верит он также и в то, что характер питания (употребление мяса) оказывает влияние на мужество людей. По мнению автора, такое национальное качество как мужество является «самым неустойчивым, потому, что оно проявляется только периодически и притом у немногих лиц в каждой нации, в то время как трудолюбие, знания и вежливость могут иметь место постоянно и повседневно и на несколько веков стать привычными для всего народа [там же, с.617-618]. Мужество может зависеть от однажды установившегося мнения, которое затем поддерживается соответствующим поведением. Единственное с чем Д. Юм может согласиться это «грубое замечание о том, что люди в северных районах имеют большую склонность к крепким напиткам, а в южных – к любви к женщинам. Можно указать на вполне приемлемую *физическую* причину этого различия. Вино и спирт согревают замерзшую кровь в более холодных климатах и укрепляют людей против бича непогоды, в то время как мягкий жар солнца в странах, открытых его лучам, воспламе-

няет кровь и вызывает страсть в отношениях между полами». Но и здесь, полагает Д. Юм, можно все объяснить «моральными причинами»: то, что мужчины и женщины в жарких климатах ходят полуобнаженными или то, что «все крепкие спиртные напитки реже встречаются на Севере, и, следовательно, более желанны» [там же, с.619]. Можно сказать, что, согласно Д. Юму, потребности людей определяют их поведение, обычаи. Что же касается климата, то он влияет на проявление какой-либо черты национального характера лишь в той степени, в какой он обуславливает степень выраженности этих потребностей, возможность их удовлетворения. «Ничто так сильно не поощряет любовную страсть, как свобода и досуг, и ничто так не губительно для нее, как прилежание и тяжелый труд, а так как потребностей у людей в теплом климате, что совершенно ясно, меньше, чем в холодном, то уже одно это обстоятельство может вызвать значительную разницу между ними» [там же, с.620].

Д. Юм сомневается в том, что «природа из-за моральных или физических причин распределила соответствующие склонности по различным климатам». Несмотря на то, что древние греки жили в теплом климате они были «сильно преданы бутылке», а стоило им, вместе с Александром Македонским, попасть в Персию, где еще более южный климат, они стали еще большими пьяницами. В то же время во Франции и Италии «немногие пьют неразбавленное вино, за исключением самого жаркого летнего времени» [там же, с.620-621]. В конце своих рассуждений о национальном характере Д. Юм еще раз подвергает сомнению утверждение о климатических факторах как единственных причинах формирования таких его черт как склонность к пьянству или выраженность любовной страсти: «Но предположим этот факт правилен и что природа при помощи физических принципов намеренно распределила эти две страсти так, чтобы одна приходилась на северные, а другая – на южные районы; мы можем только сделать вывод, что климат способен влиять на более низменные и плотские органы нашего организма, но не может действовать на те более деликатные органы, от которых зависит деятельность духа и ума (mind and understanding) [там же, с.621].

Таким образом, в данной работе Д. Юма мы можем видеть, как все большее число факторов, помимо климатических, выступают в качестве детерминант, объяснений причин выраженности той или иной черты национального характера. Влияние климата редуцируется, он не может определять формирование высших духовных или интеллектуальных качеств народа. Д. Юм уходит от простых связей, «физических причин» и обращается к сложно обусловленным «моральным причинам», по сути, рассматривая социокультурные, исторические факторы, при этом, неоднократно обращаясь к понятиям «случайность», «нужда», «потребность», «привычка», «обычай» и т.п.

1.4 К.А. Гельвеций о характере народа и о причинах его изменяющих

Клод Адриан Гельвеций (1715-1771) – выдающийся французский философ-материалист в своей работе «О человеке» [3] рассуждает о факторах, влияющих на характер народов. Во-первых, он утверждает, что каждый народ имеет свой характер и, во-вторых, что изменение его может происходить постепенно или внезапно в зависимости от того, как меняется форма правления, которую он рассматривает как часть воспитания. Так, К.А. Гельвеций обращает внимание на то, что характер французов со времен Императора Юлиана переменялся: из сурового и серьезного он стал веселым. Отсюда автор делает вывод, что характер народов меняется и утверждает, что это изменение особенно заметно «в моменты переворота, когда народы переходят сразу от состояния свободы к состоянию рабства. Тогда народ, бывший гордым и смелым, становится слабым и малодушным; он не осмеливается поднять свои взоры на человека, занимающего видное положение; им управляют, и он мало интересуется, кто им управляет» [там же, с.183]. Люди-рабы делаются равнодушными, лишаются активности и энергии, добродетели и талантов, притупляются способности их души, они пренебрегают искусством, торговлей, земледелием, меняется и характер всего народа: «Свободный народ мужественен, прямодушен, человечен и лоялен. Для народа в рабстве характерны трусость, вероломство, доносы, варварство; свою жестокость он доводит до крайности» [там же]. За примером К.А. Гельвеций обращается к истории римского на-

рода: «Какую поразительную картину внезапного изменения характера народа представляет нам история Рима! Какой народ до возвышения цезарей обнаруживал больше силы, доблести, любви к свободе, отвращения к рабству и какой народ (после того как власть цезарей укрепилась) обнаружил больше слабости и подлости? В результате упорный и серьезный характер, отличавший первых жителей города, сменяется (...) легкомысленными и ничтожными чертами характера» [там же, с.183-184]. Когда К.А. Гельвеций сравнивает современных англичан с англичанами более ранней эпохи, то констатирует улучшение нравов, положительные изменения в характере народа. («Этот народ, ныне отличающийся такой гуманностью, терпимостью, просвещенностью, свободой, трудолюбием, друг искусства и философии был тогда народом рабов, бесчеловечным, суеверным, лишенным искусств и промышленности» [там же, с.184]). Узурпация власти, по мнению К.А. Гельвеция, изменяет характер народа, расслабляет его душу, делает ее «боязливой и низкой. С этого момента его подданные, сделавшись равнодушными к славе, утрачивают черты смелости и постоянства, благодаря которым они могли переносить все тяготы и пренебрегать всеми опасностями. Тяжесть самовластия ломает в них пружины соревнования» [там же].

Мысль о пагубном влиянии деспотизма и самовластия К.А.Гельвеций повторяет неоднократно. Это главная центральная идея данной части его работы. «Деспотизм изменяет характер нации и притом всегда в дурную сторону: он заражает его пороками» – утверждает автор. «Опыт доказывает, что характер и ум народов изменяются с формой их правления; что разные формы правления придают одной и той же нации поочередно характер, то возвышенный, то низкий, то постоянный, то изменчивый, то мужественный, то робкий [там же, с.185.]

К.А. Гельвеций также рассматривает влияние невежественности и изнеженности на нравы народа и утверждает, что первопричиной опять-таки выступает деспотизм. («Невежество вовсе не спасает народы от изнеженности. Оно повергает их в нее, заставляет их опускаться и унижает их. Самые невежественные нации не являются самыми образцовыми по своему благородству, храбрости и строгости

нравов. Португальцы и современные римляне невежественны. И, тем не менее, они трусливы, сластолюбивы и изнежены. Так же обстоит дело с большинством восточных народов. Вообще во всякой стране, где деспотизм и суеверие порождают невежество, невежество в свою очередь порождает изнеженность и праздность» [там же, с.301]). Автор приводит обширную цитату из Берка (написавшего «Трактат о возвышенном»), который утверждает, что венецианцы самый испорченный народ из-за своего невежества, которое поддерживается деспотизмом аристократии.

К.А. Гельвеций как материалист и атеист считает, что католицизм в народе «сеет невежество и праздность; а праздность – мать всех политических и нравственных пороков». Порабощенный и суеверный народ «мало мыслит, много скучает, он хотел бы всегда наслаждаться, он возбуждается и расслабляется».

К.А. Гельвеций искренне верит в силу просвещения, в его благотворное влияние на народ и заявляет, что «чем просвещеннее народы, тем они добродетельнее, могущественнее и счастливее. Одному только невежеству следует приписать противоположные результаты» [там же; с.303-304] Что же касается французского народа, то, по мнению К.А. Гельвеция, он становится все более невежественным, теряет интерес к просвещению для которого (по сравнению с англичанами) у него нет средств. В результате, автор делает вывод о потере престижа страны и изменении характера ее граждан: «В настоящее время Франция никому не страшна. Не побуждаемый соревнованием гражданин коснеет здесь в лени» [там же, с.304].

Невежество оказывает пагубное влияние на нравственные черты народа, поскольку, лишает его гуманности, делает жестоким – заявляет К.А. Гельвеций. По его мнению, чем более невежественен народ, тем более он жесток. («Самые невежественные народы в то же время самые жестокие. Какой народ оказался в последней войне самым бесчеловечным? Невежественные португальцы. Они отрезали носы и уши у взятых у испанцев пленников. Почему англичане и французы

показали себя более благородными? Потому, что они были менее невежественными» [там же, с. 305]).

Таким образом, К.А. Гельвеций в данной работе высказывает мысли о факторах, которые влияют на характер народа и его нравственный облик. Автор доказывает, что в качестве основного, определяющего фактора выступает характер правления. Если это правление деспотическое, то оно приводит к изнеженности и невежественности народа, его характер меняется в худшую сторону, он лишается мужественности и гуманизма.

1.5 Гуманистические идеи И.Г. Гердера, его стремление установить взаимосвязь физических факторов и психологических характеристик людей

Выдающийся философ и мыслитель Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803) внес значительный вклад в понимание истории развития человечества, связи антропологических и психологических характеристик людей и особенностей среды их обитания и культуры. В 1784г. появляется его энциклопедическая по охвату, объемная книга «Идеи к философии истории человечества»[3], в которой он предпринимает исследование человечества в целом, при этом, сравнивая между собой различные народы и их представителей. Прежде всего, его интересовали причины, которые приводят к такому разнообразию представителей единого рода человеческого. Много места в своей работе он уделяет географии, климату, и в этом отношении, его можно назвать продолжателем, высказанной еще в древности, идеи географического детерминизма. Однако механизм обусловливания у И. Гердера гораздо сложнее: он показывает, какое непосредственное влияние оказывают физические факторы на внешний облик людей и их психический склад и, в то же время как они задают, обусловливают дальнейшее культурное развитие, сказываются на истории формирования человечества и отдельного народа в частности.

Начнем с того, что И. Гердер утверждает, что: «населяемая людьми планета есть горный хребет, выступающий над поверхностью моря» [3, с.27], «горы – это и первое местожительство человека на Земле, и кузница переворотов и потрясе-

ний, и очаг сохранения человеческой жизни. С гор спускаются бурные потоки, спускаются и народы; в горах бьют ключи, дающие людям воду, в горах просыпается и дух мужества и вольности, когда равнины уже томятся под бременем законов, искусств, пороков» [там же, с.29]. Он утверждает, что особенности строения той или иной местности определяли ход истории народов и формировали их. («Проведя линии сбегających с гор рек, природа установила как бы общие, но неизменные начертания человеческой истории вместе со всеми ее потрясениями и переворотами. Народы снимались с насиженных мест и открывали для себя широкие просторы земли, они двигались вдоль рек и на плодородных равнинах строили свои хижины, строили деревни и города, они словно запирались в своих горах и пустынях, где иной раз протекала большая река, и отныне эту огражденную природой и привычкой область называли *своей*; впоследствии местные условия таких областей порождали различный образ жизни, какой вели люди, в таких местах возникали царства и государства; наконец род человеческий дошел до морского побережья и отсюда, с пустынных и худых берегов, отправился искать пропитание в море. Все такие события одновременно принадлежат и к истории человечества, развивающейся естественно, идущей своим чередом, и к естественной истории Земли. Одни горы воспитывали охотников, укрепляли их дикий, неукротимый нрав, другие горы, нагорья, шире раскинувшиеся, с климатом более мягким, послужили пастбищами для пастушеских племен, а в спутники пастухам дали кротких домашних животных; одни горы побуждали заниматься земледелием и делали занятие это незаменимым, другие учили плавать по рекам и ловить рыбу, что привело, наконец, и к торговле, – все это особые этапы человеческой истории, особые состояния, в которых находятся племена и народы, и все это предопределено строением земли с естественным различием и многообразием существующих на ней условий. В одних местах нравы, образ жизни людей сохранялись тысячелетиями, в других они менялись под влиянием внешних причин, но всякий раз изменения происходили под соразмерным воздействием той земли, от которой исходило влияние, и той, на которую это влияние распространялось»

[там же, с.30]). По мнению И. Гердера, если бы горные хребты и реки располагались иначе, то иначе могла бы сложиться и история народов. Он полагал, что первой была заселена Азия, поскольку это огромное материковое пространство, на котором народы могли разойтись во все стороны, но, в то же время, часто вынуждены были жить рядом, вместе. Именно это создало условия единства нравов и верований у народов ее заселяющих, в отличие от пространств, где люди были разделены высокими горами или водными преградами («если взять Африку, то очевидно, что нравы ее обитателей мало различаются между собой, и все потому, что племена не разделены ни морями, ни заливами, в лучшем случае только пустынями» [там же, с. 31]). Что касается Европы, то разнообразие нравов народов ее заселяющих, объясняется, по его мнению, опять-таки, особенностями физической географии, такими как: пересеченность местности, многообразие условий. Итак, согласно И. Гердеру: «измените границы стран, отнимите у них тут проливы, там закройте естественный путь – и вот долгими веками судьба всех народов и частей света будет протекать совсем иначе, иначе будет складываться их культура, иначе будет строиться и разоряться мир» [там же, с.32]. Что касается климатических условий, то: «каждая порода людей естественным образом складывается и растет лишь в подобающей ей области Земли. Подобно тому, как оранжерейные растения, которые в закрытом помещении и тепле вырастают выше и пышнее, но при этом имеют бледный вид и дают меньше плодов, а будучи высажены «на волю» теряют листья так и человек. Не то ли самое будет с людьми, если культура нежит, холит и неволит их» (...). Ведь мы в какой-то мере тоже растения?» [там же, с.42-43]). Однако И. Гердер не останавливается лишь на климате и особенностях физической географии как факторах, влияющих на разнообразие нравов и культур людей. По его мнению, к таким факторам можно отнести и то, какой пищей питаются люди: растительной – тогда эти народы по своему характеру спокойнее и здоровее («у них светлый нрав и беззаботность») или животной («плотоядные животные по природе своей гораздо более дики»). И. Гердер не рассматривает человека в отдельности от природы, в том числе, от окружающих людей животных. По

его мнению: «люди постепенно установили свое господство над животными, а ус-танавливая свое господство, почти всему научились у животных. Животные были живыми искрами божественного разума, и свет от этих искр человек весь на-правлял на себя, собирал его в круг, более тесный или более широкий, – относит-ся это к питанию, образу жизни, одежде, ловкости, умениям искусствам, влечени-ям и стремлениям. Чем больше учится человек у животных, чем с большим умом учился он и чем умнее были животные, у которых он учился, чем больше приучал он их к себе, чем более близок к ним был, воюя с ними или мирно сосуществовая, тем больше выигрывало воспитание его как человека, а потому *история человече-ской культуры* – это в большой мере *зоология и география*» [там же, с.46]. Подоб-но тому, как меняется облик животных и растений в разных климатических усло-виях должен меняться и облик человека, поскольку он по своему строению про-должает оставаться животным. В то же время для И. Гердера человек – «цен-тральное существо среди земных животных», он – *«срединное между животны-ми существо, самая разработанная форма, тончайшая квинтэссенция, соеди-няющая в себе черты всех окружающих его видов»* [там же, с.50].

Несмотря на то, что с появлением одежды человек «был уже в состоянии переносить любой климат и осваиваться во всех зонах» [там же, с.104], И. Гердер пытается понять, как экстремальные климатические условия воздействуют на те-ло человека и на его духовные качества. Так, рассматривая влияние холода на лю-дей, он пишет, что: «единственно чего мог добиться холод, – это как-то сдавить человеческое тело, сузить кровообращение. Гренландцы обычно ниже пяти футов, а братья их эскимосы тем меньше ростом, чем дальше живут на север. Но по-скольку жизненная сила действует изнутри, то она теплой и упорной выносливо-стью плотно сбитого тела возместила то, что не могла дать росту и стройности. Голова гренландца стала непропорционально большой, лицо – широким и пло-ским (...). Скулы заняли почти все лицо, а рот от этого стал маленьким и круг-лым; волосы – упрямые, потому, что недостает тонких соков, которые поднима-лись бы кверху и растили мягкие, шелковистые волосы; в глазах не видно души.

Точно так же сформировались широкие плечи, сильные члены тела, все тело мясистое, насыщенное кровью; но руки и ступни – мягкие, слабые, как бы отростки, оконечности всего телесного строения. Как с внешним обликом, все точно так же происходит и с энергией возбудимостью жизненных соков. Кровь течет медленнее, сердце бьется более вяло, потому и половой инстинкт выражен слабее. Тогда как вместе с теплом он, в других странах, чудовищно возрастает. Поздно просыпается половое влечение, холостые живут целомудренно, а женщин приходится заставлять вступать в тяжкий брак. Они рожают мало, и плодовитых, похотливых европейцев сравнивают с собаками. И в браке, и во всем их образе жизни царит какой-то кроткий нрав, аффекты они упорно сдерживают. Не чувствуя тех раздражений, что более подвижные и энергичные, рождаемые теплым климатом существа, они живут и умирают кротко и мирно; равнодушно-довольные всем, они трудятся, чтобы только-только удовлетворить малые потребности. Отец воспитывает сына сдержанно-равнодушно, ибо такая сдержанность и равнодушие считается у них добродетелью и счастьем, мать кормит дитя долго, с глубокой привязанностью самки. Если природа отказала им в возбудимости и гибкости нервов, то она придала им силу и выносливость, окружила тела их греющим слоем жира, наделила полнокровием, так что в закрытом помещении само дыхание их жарко и душно» [там же, с.141-142].

И. Гердер приводит подробное описание физического строения представителей разных народов, показывая как природа, климат и определяемые ими образ жизни влияют на облик людей и их характер, выделяет такие черты как вспыльчивость, легкую возбудимость, любовь к свободе. В то же время И. Гердер пользуется описаниями путешественников, которые при оценке внешности людей исходили из определенных европейских стандартов красоты и привлекательности. Вслед за ними он пишет об «изящно сложенных народах» или о «прирожденном безобразии». Вообще он считает, что «чем ближе к областям, в которых природа все полнее проявляется в живых существах, тем пропорциональнее, тем тоньше строение человека. Чем севернее, чем дальше вглубь калмыцких степей, тем более

плоски и дики черты лица – на северный или калмыцкий лад. Впрочем, многое зависит от образа жизни, который ведет племя, от почвы, на которой оно живет, от происхождения, от смешения с другими народами». Можно предположить, судя по следующему описанию, что телосложение калмыков и монголов ему явно не нравится. Ведь у них «плоское лицо», «редкая бороденка», «слишком широкий корень носа, маленький плоский нос, большие оттопыренные уши, кривые бедра, ноги и т.п.». Впрочем, такое строение И. Гердер объясняет условиями жизни этого народа. «Вывернутые колени и кривые ноги легче всего объясняют образ жизни монголов: они с детства ползают по земле и сидят на лошадях; вся их жизнь делится между двумя занятиями – они сидят или ездят, а единственная поза, которая придает красоту ступне им вообще неведома, потому, что они почти не ходят. Может быть, и еще в чем-то сказывается в строении тела их образ жизни? Оттопыренные уши зверя, прислушивающегося ко всякому шороху, маленькие острые глазки, что заметят издали любой дымок и вздымающуюся пыль, оскаленные зубы, гложущие кость, толстая шея, откинутаая назад голова – разве все это не запечатлевшиеся черты, жесты, сопровождающие всю их жизнь?» [там же, с.145]. Народы Индии, напротив, воспринимаются автором как красивые, стройные, изящные, приятные. («Ноги, бедра, которые в северо-восточных землях всегда уродливы, по-обезьяньи укорочены, теперь удлиняются и выражают цветущую человеческую красоту» [там же, с.149]). Или, следующее замечание: «вместо варварских украшений, которыми уродливые народы прикрывают уродливость своих тел, только умножая и усиливая ее, в Персии появились изящные обычаи, подчеркивая стройность и красоту тела» [там же, с.150]. Красота тела часто связывается И. Гердером с положительными нравственными чертами, а уродливость тела – для него признак дикости. Вообще то, что мы бы назвали культурно обусловленным восприятием красоты для И. Гердера – проявление уродства практиками, манерами, которые уродуют тело. В то же время, несмотря на многочисленные описания различий, сравнительного подхода к изучению человеческого разнообразия – И. Гердер стоит на совершенно четкой позиции: «весь человеческий род на земле –

это только *одна и та же порода людей*», он категорично утверждает, что «и калмык и негр – полноценные люди, даже по строению своего черепа». Кроме того, И. Гердер против деления людей на расы. «Раса указывает на различное происхождение людей, но такого различия или вообще не имеется, или же в каждой области где живут люди, независимо от цвета кожи, представлены все самые разные расы. Ибо каждый народ – это народ, и у него есть и язык, и особое, присущее только ему строение». По мнению И. Гердера: «один на Земле род человеческий приспособился ко всем существующим климатам» [там же, с.171-172].

И. Гердер ненавидит рабство, у него вызывает отвращение, когда один народ вторгается в жизнь другого, нарушая его уклад, неся разрушение и горе. («Но какое же право у вас, о бесчеловечные люди, даже приближаться к этой земле? Почему отнимаете вы у нее сыновей ее – жестоко, хитро, воровато. Тысячелетиями эта земля принадлежала им, а они – ей; предки нынешних негров заплатили за обладание ею высокой ценой, приобретя уродливую фигуру и черный цвет кожи. И словно детей опекало их солнце Африки, налагая на них свою печать, придавая им новое строение, а вы, увозя их прочь, объявляете себя ворами и грабителями» [там же, с.176]).

Как уже подчеркивалось, особое значение в обусловливании физического облика людей и их душевных качеств И. Гердер придает климату, к которому и приспособляется, живущий в этих климатических условиях народ. («Сначала становится ясным, почему все чувственно воспринимающие мир, во всем строении своем приспособленные к своей земле народы столь верны почве земли, неотделимы от нее. Все устройство их тела, весь образ жизни. Все радости и занятия, которым приучены они с детства, весь кругозор их представлений – все определено климатически. Отнимите у них землю, и вы отнимите у них все» [там же, с.175]). Однако не все так просто и однозначно с этим самым климатом, поэтому И. Гердер предпринимает отдельное исследование его влияния на людей. Одна из частей его работы так и называется «Что такое климат и как он влияет на душевный строй и телесное строение человека». И. Гердер вначале приводит сведения,

касающиеся физических параметров, обуславливающих тот или иной климат, а затем критикует точку зрения, приравнивающую человеческое тело к другим физическим объектам. («Конечно, всякий знает, что тепло расширяет волокна тела, так что они становятся более вялыми, что соки от тепла разжижаются и усиливается испарение и что со временем даже твердые члены тела могут становиться ватными, слабыми; закон этот в целом вполне сохраняет силу; с помощью этого и противоположного ему закона холода уже объяснено немало физиологических феноменов, но что касается общих выводов, которые делались на основании такого, взятого изолированно принципа или даже его частичного применения, что касается попыток перенести свойство вялости, испарения и т.д. на целые народы, на целые большие области Земли и, более того, на тонкую сферу деятельности человеческого духа, то следует сказать: чем более остроумно, чем более систематично продумывали и формулировали подобные выводы, тем рискованнее были они. Их шаг за шагом опровергают примеры, взятые из истории, даже физиологические аргументы, – потому что одновременно действует много сил, даже много противоречивых сил» [там же, с.178]).

Климат оказывает влияние на органы чувств людей. Но не только он один, и здесь И. Гердер подходит вплотную к идее сравнительного изучения органов чувств различных народов в зависимости от различных факторов. Среди этих чувств – осязание, которое видоизменяется в зависимости от образа жизни, климата, практического применения навыка, «генетической чувствительности тела». И. Гердер описывает людей из американских племен, людей, кожа которых потеряла свою чувствительность, восприимчивость к внешним воздействиям. Он предполагает, что это защитная реакция против этих внешних воздействий («племена эти столетиями подставляют свои нагие тела резким порывам ветра, их кусают злобные насекомые, в них втирают сильнодействующие мази», кроме того у них грубая щелочная пища: грубая мука, корни и травы). Все это влияет, по мнению И. Гердера, на чувствительность кожи, поскольку, полагает он «органы пищеварения и чувствительность кожи находятся в прямом отношении между со-

бой, вот почему при некоторых болезнях чувство осязания сходит на нет». В результате автор приходит к выводу, что «нечувствительность кожи – это и зло и благодеяние климата, наряду со многими другими подобными явлениями» [там же, с.194]. Чрезмерные холод или зной, по мнению ученого, одинаково действуют на органы чувств, «сжигают», «притупляют» их. Если люди ходят босиком по раскаленному песку, то подошвы их ног становятся грубыми и нечувствительными, также действует трескучий мороз. Поэтому, полагает И. Гердер: «самая тонкая восприимчивость встречается в тех странах, где люди ведут способствующий нежному натяжению кожи и, так сказать, мелодическому распространению нервов образ жизни» [там же, с.195]. Если вкус человека «никогда не заглушается жжеными напитками и острыми блюдами, он способен почувствовать самый тонкий привкус чистой воды. А пальцы его способны воспроизвести самые искусные работы, так что никто и не отличит подлинника и копии. Его душа бодра и спокойна – в ней кроткое эхо чувств, на которых он покачивается, словно на волнах». И. Гердер считает, что употребление мяса само по себе вызывает изменения в душевной организации людей («Народы с грубыми чувствами, живущие в дикости, и в жестоком климате, обычно прожорливы; им нередко приходится голодать, и едят они все, что попадется под руку»), и обращает внимание на то, как достается людям пропитание, скольких усилий физических и душевных требуется им, чтобы поддерживать свое существование в том, или ином климате и к каким психологическим последствиям это приводит. («Если люди питаются корнями, травами, плодами, то они остаются праздными, способности их ограничены, если только не прибавляются дополнительные обстоятельства, вынуждающие их действовать Народ живет в прекрасном климате, кроткое племя – и образ жизни его кроток: не из-за чего спорить, если изобильная природа и так дает все необходимое для жизни». (...) Если климат более суров, то и человеку приходится прибегать к более строгому и разнообразному способу существования [там же, с.206-207].

Книга И. Гердера поражает своей глубиной, обилием интересных размышлений, предположений, своей гуманистической направленностью. По сути это

предыстория кросскультурного подхода с его стремлением найти сходство и различие в культурах разных народов, выделить культурные универсалии и описать связи между особенностями культурной жизни и психологическим складом народа. Конечно, И. Гердеру не всегда удается избежать оценочных суждений, касающихся образа жизни или внешнего облика того или иного народа, его психологических черт, естественно, что в своих оценках он отталкивается от определенных, привычных для него эталонов. Но главная мысль, которая прослеживается в его книге это утверждение равенства людей, народов, их родства, принадлежности к одному роду человеческому.

Вопросы для самоконтроля к Модулю 1

1. Какие книги являются одним из первых источников этнопсихологических знаний в истории человечества?
2. Какие аспекты жизни народов затрагивались в этих источниках?
3. Какие объяснения межэтнического разделения приводятся в этих книгах?
4. Как в работах Гиппократ обосновывается идея «географического детерминизма»?
5. Кого из древнегреческих мыслителей называют «отцом истории» и «прародителем этнопсихологии и этнологии»?
6. Исходя из каких факторов, Геродот объяснял различия между народами?
7. Что писал Геродот о жизни скифов и других народов, населявших нашу страну?
8. Кто такой Страбон, в какое время он жил и чем занимался?
9. На чем основывались этнографические описания Страбона и носили ли они систематический, планомерный характер?
10. Какие темы, соотносящиеся с «культурными универсалиями»? можно выделить, анализируя рассказы Страбона о различных племенах и народах?
11. Психологические характеристики людей, их качества раскрываются Страбон отдельно или вплетены в ткань этнографических описаний?
12. Какие из аспектов описаний жизни племен и народов, представленных в работе Страбона, показались вам наиболее интересными, поразили ваше воображение?

13. Чем характеризуются истории о племенах и народах в «Естественной истории» Плиния Старшего?
14. Что Плиний Старший писал о человеке, его судьбе и месте в природе
15. Каким образом Плиний Старший связывает между собой внешность людей, строение их тел, характер и климат, в котором они живут?
16. В чем сущность «географической теории общественного развития» и кто ее автор?
17. Какому фактору Ш. Монтескье предавал особое значение с точки зрения влияния на характер людей, обычаи нравы, на формы государственности? Каков механизм такого влияния по Ш. Монтескье?
18. Народы, каких стран жарких или холодных, по утверждению Ш. Монтескье крепче, здоровее, больше доверяют себе, имеют больше мужества, уверенности и меньше подозрительности, хитрости, больше прямоты?
19. Какой довод приводит И. Кант, доказывая, что климат и почва не влияют на характер народа?
20. Как бы вы оценили с современных позиций высказывания И. Канта о характере французов, англичан и немцев? Что на ваш взгляд совпадает, а что нет с современными стереотипами, касающимися характера представителей этих народов?
21. Какие два вида причин, обуславливающих различия в национальных характерах народов, рассматривает Д. Юм?
22. Какие из причин Д. Юм считает главными в детерминации национальных черт характера?
23. Какие доводы Д. Юма в пользу причин нефизического характера показались вам наиболее убедительными?
24. Как бы вы сформулировали своими словами, что Д. Юм подразумевает под «моральными причинами»?
25. Как Д. Юм описывает действие устоявшегося мнения на восприятие представителей того или иного народа, а также на их поведение как реакцию на это мнение?

26. Почему можно утверждать, что Д. Юм стоит на расистских позициях?
27. Какое качество национального характера Д. Юм называет неустойчивым, а какие качества, по его мнению, носят более устойчивый характер?
28. Какой фактор, по мнению К.А. Гельвеция, является самым главным, определяющим характер народов?
29. Какое влияние, согласно К.А. Гельвецию, оказывают на характер народов их невежественность и изнеженность?
30. Какие исторические примеры приводит К.А. Гельвеций, доказывая, что национальный характер подвержен изменчивости?
31. Какие доводы приводит в своей книге И. Гердер, обосновывая утверждение, о зависимости истории народа от особенностей строения той или иной местности?
32. Как И. Гердер объясняет факт разнообразия нравов народов Европы?
33. С чем сравнивает людей, какие аналогии приводит И. Гердер, когда пишет о людях, обитающих в различных климатах?
34. Что утверждал И. Гердер относительно связи человека с обитавшими рядом с ним животными?
35. Как, по мнению И. Гердера, экстремальные условия воздействуют на тело человека, его физиологию и психологию?
36. В каких суждениях И. Гердера проявляется его культурно обусловленное восприятие внешнего облика людей, красоты?
37. Как относится И. Гердер к практике деления людей на расы?
38. В чем состоит критика И. Гердером воззрений, рассматривающих тело человека, как чисто физический объект?
39. Как, по утверждению И. Гердера, климат влияет на органы чувств людей, какие изменения в них производит?
40. В чем выражается гуманистическая направленность идей И. Гердера?

Литература к Модулю 1

1. Баскин М.П. Монтескье [Текст]: /М.П. Баскин. – М.: Мысль. 1975. – С. 66-71.

2. Брежнев В.С. Проблемы межэтнических отношений в священных писаниях Тора, Новый завет, Коран [Текст]: Исторические основания взаимодействия культур. Проблемы теории культуры и гуманистики /В.С. Брежнев. – Ростов-на-Дону, вып.2, 1991. – С. 59-82.
3. Гельвеций К.А. О человеке [Текст]: /К.А. Гельвеций //Соч. в 2-х т. – М.: Мысль, 1974. – Т.2. – С.182-186, 301-305.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества [Текст]: /И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – С.27-207.
5. Геродот История в девяти книгах [Текст]:/ Геродот. – М.: Ладомир, 1993. – 600 с.
6. Гиппократ О воздухах, водах и местностях /Гиппократ //Избранные книги. – М.: Сварог, 1994. – С. 275-306.
7. Доватур А.И., Каллистов Д.И., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота» [Текст]: / А.И Доватур, Д.И Каллистов, И.А. Шишова. – М.: Наука, 1982 – 455с.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения [Текст]: /И. Кант// Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – С.562-573.
9. Плиний Старший Гай Секунд «Естественная история» [Текст]:/ Гай Плиний Секунд Старший. Эл. ресурс: http://annales.info/ant_lit/plinius/index.htm www.
10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2003. –368 с. (См. также последующие издания).
11. Страбон География в 17 книгах [Текст]:/Страбон. – М.:Ладомир, 1994. –830с.
12. Юм Д. О национальных характерах /Юм Д.// Сочинения в 2-х т., М.: Мысль, 1966. – Том 2. – С.605-621.

Модуль 2 Этнопсихология в период ее появления и становления

2.1 Появление этнопсихологии в Германии

В середине XIX в. этнопсихология появляется как самостоятельная наука в Германии. Это было связано с процессами объединения множества германских

княжеств в единое государство, что повлияло и на общегерманское самосознание. Основателями новой науки были немецкие ученые – философ Мориц Лацарус и языковед Хейман Штейнталь. В 1859 году они начинают издавать «Журнал народной психологии и языкознания» («Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft»). В первом номере появляется программная статья под названием «Мысли о народной психологии», в которой обосновывается необходимость создания новой науки – психологии народов, которая должна была изучать дух народа, его чувства, склонности, желания, причем, акцент делался на том новом качестве, которое появляется там, где люди действуют сообща, как единый субъект.

Мориц Лацарус и Хейман Штейнталь выделяли историческую психологию народов, объясняющую дух народов в целом и конкретную психологическую этнологию, изучающую дух отдельных народов. Они предлагали изучать дух народа, используя продукты его творчества: язык, мифы, фольклор, продукты духовной культуры. Анализ воззрений М. Лацаруса и Х. Штейнталя достаточно подробно представлен в работе отечественного историка психологии Е.А. Будиловой [1], в книге Г.Г. Шпета [6]. Данного вопроса касается и Т.Г. Стефаненко [5].

Так, Е.А. Будилова приводит следующее определение, принадлежащее Х. Штейнталю: «общество, образуемое народом, есть неперемное, абсолютно неизбежное условие существования для всякого индивидуума и, следовательно, самое натуральное из всех человеческих обществ, потому оно существеннее для науки, нежели какие-либо произвольные союзы, происходящие между людьми вследствие культуры» [цит. по 1, с.128]. Иными словами, обосновывалась необходимость общения, общественной жизни для человека. Т.Г. Стефаненко также подчеркивает, что народ, по мнению авторов, является крайне необходимой, существенной из групп, к которой индивид сам себя относит, обращая внимание на то определение данного понятия, те критерии, по которым мы можем судить о некоторой общности людей как о народе: «народ есть совокупность людей, которые смотрят на себя как на один народ, причисляют себя к одному народу» на основе духовного родства, т.е. субъективно [5, с.47]. Следует отметить, что определение этноса, ко-

торое дает сама Т.Г. Стефаненко, по сути, основано на этой же идее субъективного выбора. («Этнос – группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [там же, с.29]). Само понятие «народный дух», по мнению автора, рассматривается как «психическое сходство индивидов, принадлежащих к определенному народу, и одновременно как их самосознание, т.е. то, что мы назвали бы этнической идентичностью» [там же, с.46].

Согласно М. Лацарусу и Х. Штейнталу перед этнопсихологией стоят следующие задачи: «1) познание психологической сущности народного духа; 2) открытие законов, по которым совершается внутренняя деятельность народов в жизни, искусстве и науке; 3) выявление основных причин возникновения, развития и уничтожения особенностей какого-либо народа» [там же].

Е.А. Будилова отмечает, что предметом психологии народов является «дух совокупности», изучение народного духа в его всевозможных проявлениях, прежде всего в языке, мифологии, религии, народном творчестве. «Первое место среди этих элементов принадлежит языку, поскольку он является всеобщим духовным органом; через слово происходит «единение в духе», поскольку во взаимном понимании говорящего и слушающего вырастает сознание и пробуждается чувство одинаковости и того и другого. Такое воздействие возможно благодаря особенности языка, заключающейся в том, что он запечатлевает мирозерцание народа и, в то же время, сам есть отпечаток созерцаемой деятельности» [цит. по 1, с.129]. Автор подчеркивает, что, несмотря на отличия народной психологии от индивидуальной, она была ее продолжением, поскольку предполагалось изучать все те процессы, которые присущи индивиду. Обосновывалось это тем, что дух живет только в индивидах, не существует вне их. «Отсюда делался вывод, – пишет Е.А. Будилова, – что народная психология должна изучать те же основные процессы, что и индивидуальная психология. Согласно принятой в то время схеме разделения психических процессов (на чувства, волю, мышление) происходило распределение общественных форм сознания. Религия относилась к чувству, мифология к

мышлению, народное творчество к воображению и т.д. Иными словами народный или совокупный дух раскладывался на элементы, и начиналась группировка этих элементов» [там же]. В то же время возникали трудности с применением метода интроспекции, классическим методом изучения индивидуального сознания для решения задач социально-психологического характера.

Как уже упоминалось, психология народов является по своей сути продолжением индивидуальной психологии, и, по мнению Т.Г Стефаненко [5], то, что предложили М. Лацарус и Х. Штейнталь не является социально-психологической теорией. Это не совпадает с взглядами Е.А. Будиловой, которая считает, что: «статья Лацаруса и Штейнталья, открывшая новый журнал, по сути дела предлагала изучение социальной психологии, народ же представлял для них отправную точку исследований. Идеалистические воззрения позволяли считать, что силы общества – духовного свойства, а народный дух в обществе находится как душа в теле, а значит, определяет его действия. Таким образом, исследование народного духа открывало путь к изучению движущих сил общества, через психологию должны были познаваться законы общественного развития. История должна объясняться из всеобщих психологических законов. Новой дисциплине предстояло открыть законы человеческого духа, имеющие приложение там, где только совместно живут и действуют многие люди, как некоторое единство» [1, с.128].

2.2 Вклад Вильгельма Вундта в этнопсихологию

В. Вундт – один из основоположников экспериментальной психологии, с 1900 по 1920 издал 10-томный труд под названием «Психология народов».

В 1886г. В. Вундт напечатал статью «О целях и путях этнической психологии». В 1912 году появляется его книга «Проблемы психологии народов», которая явилась важным шагом на пути создания этнопсихологии.

В. Вундт считает, что М. Лацарус и Х. Штейнталь противопоставили индивидуальной психологии – психологию народов. Он защищает права психологии народов на существование, рассматривая науки, которые, так или иначе, касались данной проблематики (история, философия истории), и констатирует существова-

ние проблемы определения предмета психологии народов: «к какой бы области (...) ни приступила со своим исследованием психология народов, всюду она находит, что ее функции уже выполняются отдельными дисциплинами» [2, с.18]. Обращаясь к истории, В. Вундт отмечает, что «язык, мифы, искусство, наука, государственное устройство и внешние судьбы народов представляют собою отдельные объекты исторических наук. «Но, – замечает он при этом, – разве не ясна необходимость собрать эти отдельные лучи духовной жизни как бы в едином фокусе, еще раз сделать результаты всех отдельных процессов развития предметом объединяющего и сравнивающего их исторического исследования?» [там же].

В. Вундт рассматривает противоречие, касающееся того, что носителем народного духа является индивидуум, его душа и разрешает его следующим образом. Во-первых, он утверждает, что в психологическом исследовании исчезает различие между душой и духом. Во-вторых, он пишет, что, поскольку, объектом изучения психологии являются данные состояния сознания, то «душа при этом будет уже не сущностью, находящейся в этих данных переживаниях, но самими этими переживаниями» [там же, с.24]. Иными словами, по В. Вундту состояния сознания, совокупность внутренних переживаний и душа это одно и то же. В-третьих, он обращает внимание на то, что «многие из этих переживаний, несомненно, общи большому числу индивидуумов; мало того, для многих продуктов душевной жизни, например языка, мифических представлений, эта общность является прямо таки жизненным условием их существования» /там же, с.25/. В-четвертых, В. Вундт задает вопрос: «Почему не рассматривать эти «общие образования представлений, чувствований и стремлений как содержание *души народа* на том же основании, на котором мы рассматриваем наши собственные представления и душевные движения как содержание нашей индивидуальной души; и почему этой «душе народа» мы должны приписывать меньшую реальность, чем нашей собственной душе?» [там же].

Вновь возвращаясь к возражению оппонентов, что душа народа все же состоит из отдельных душ, не может существовать без них, а значит, мы вынуждены

будем вновь и вновь возвращаться к индивидуальной душе, В. Вундт разрешает это противоречие части и целого вполне диалектически. Он соглашается с тем, что составное целое должно содержать в себе то, что заключается в его частях, однако, замечает он, оно вовсе несводимо к этим частям. Можно ожидать, утверждает он, что: «совместная жизнь многих одинаковых по организации индивидуумов и вытекающее из этой жизни взаимодействие их между собою должны, как вновь привходящее условие, порождать и новые явления со своеобразными законами. Хотя эти законы никогда не могут противоречить законам индивидуального сознания, однако они отнюдь не содержатся, благодаря этому, в последних» [там же, с.25-26]. Наконец, автор приходит к выводу, что «психология народов – самостоятельная наука наряду с индивидуальной психологией, и хотя она и пользуется услугами последней, однако и сама оказывает индивидуальной психологии значительную помощь» [там же, с.41].

В. Вундт считал неприемлемой программу, предложенную М. Лацарусом и Х. Штейнталем, поскольку она слишком широка, объемна, а сформулированные ими задачи вызывают возражения. Он пытался как-то сузить ее, и полагал, что существуют три области, которые «обнимают три основные проблемы психологии народов: язык, мифы и обычаи», которые «представляют собою духовные продукты развития, в порождении которых проявляются своеобразные психологические законы» [2, с.39-40]. В. Вундт подчеркивал, что «язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Наконец обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» [там же, с.45].

В. Вундт толкует данные понятия в «широком смысле». Так, мифология включает в себя «все первобытное мирозерцание», каким оно было при зарождении научного мышления. Понятие «обычаи» включает в себя «все те зачатки правового порядка, которые предшествуют планомерному развитию системы права как историческому процессу». В. Вундт обращает внимание на то, что «язык,

мифы и обычаи являются не какими-то фрагментами творчества народного духа», но составляют «самый этот дух народа» [там же, с.49].

Е.А. Будилова [1] в своем анализе вклада В. Вундта в этническую психологию, отмечает, что в те времена она включалась в общую систему психологии, которую разрабатывал немецкий психолог. В этой системе психология разделялась на физиологическую психологию и историческую психологию. Психология народов должна была войти в историческую психологию. В. Вундт так же, как и его предшественники считал возможным изучение народной психологии, основываясь на исследовании результатов, продуктов духовной деятельности народа.

2.3 У. Мак-Дауголл и его попытка применить эволюционный подход к объяснению причин конфликтов между народами

Одной из важных проблем этнической психологии (центральной темой такой ее ветви, как «Психология межэтнических отношений») является поиск объяснения причин этнической напряженности и конфликта. Среди ранних теорий конфликтного взаимодействия важное место по степени разработанности, экстраполяциям занимает теория Уильяма Мак-Дауголла (1871-1938), «выводящая» мотивы такого взаимодействия из видоизмененных инстинктов.

Его работа «Основные проблемы социальной психологии», впервые появившаяся в 1908г. [3, 4], безусловно, принадлежит к истории социальной психологии. В ней автор, основываясь на эволюционном подходе Ч. Дарвина, пытается применить понятие «инстинкт» к анализу социального поведения. У. Мак-Дауголла интересует анализ биологических истоков тех или иных форм социальной жизни человека, их представленность на ранних этапах развития общества и их дальнейшее усложнение. Среди ряда других инстинктов социального поведения постулируется существование так называемого «инстинкта драчливости», эволюцию которого и преобразование в иные формы социального взаимодействия У. Мак-Дауголл и раскрывает в XI главе своей книги. Интерес представляет также то, что У. Мак-Дауголл последовательно подчеркивает значение психологии для всех социальных наук, касается сложившихся в психологической науке того вре-

мени (и уже переставших удовлетворять исследователей) объяснений причин, мотивов социального поведения людей, и формулирует, в чем состоит, на его взгляд, самая важная проблема социальной психологии.

У. Мак-Дауголл полагал, что для социальных наук очень важна та часть социальной психологии, которая исследует источники человеческой деятельности (импульсы, мотивы), регулирующие поведение и поддерживающие деятельность духа и тела. При этом он констатирует явно недостаточную разработанность данной области, считает ее наиболее отсталой, неясной и неопределенной. Автор критикует современные ему психологические теории с преобладанием взглядов на психологию как на «науку о сознательных процессах» и с неизменным методом познания этих процессов – интроспекцией. У. Мак-Дауголл считает, что защита интроспекции, в качестве единственного метода психологии, привела к торможению ее развития, поскольку, эмоциональная жизнь, мотивы, которые являются частью нашей душевной жизни, хуже всего поддаются данному методу и описанию.

Подводя итог тем научным достижениям, которые существовали в тот период (XIX столетие), автор подразделяет исследователей на две группы. Приверженцы гедонистической теории сводили все мотивы к стремлению получить удовольствие и избежать страдания. Другие, пытались объяснить поведение интуитивной способностью, которой давали разные названия (сознание, моральная способность или моральное чувство, нравственный инстинкт). По мнению У. Мак-Дауголла, эти теории были признаны несостоятельными, хотя взамен им не было ничего предложено, а большинство психологов стало пользоваться понятием «воля» или фразой «стремление идей к реализации». С другой стороны, подчеркивает автор, в «Происхождении человека» Ч. Дарвин впервые дал истинную теорию мотивов, управляющих человеческим поведением, и указал, как нам действовать, чтобы с помощью, главным образом, сравнительного и естественноисторического метода, получить ясное представление об этих мотивах». Таким образом, У. Мак-Дауголл в дальнейшем изложении своих взглядов исходит из теории Ч. Дарвина.

По его мнению «интроспективное описание потока сознания» – не есть главная задача психологии, а только вступление к ее работе. Полученные таким образом данные, не могут представлять какой-либо ценности для социальных наук. Основой их, полагает У.Мак-Дауголл, должна быть сравнительная или физиологическая психология, с опорой на объективные методы, наблюдения поведения людей и животных, как в норме, так и при патологии. При этом он придерживается эволюционного подхода и старается показать, каким образом высшие, сложные формы человеческого поведения, обусловленные социальным взаимодействием, связаны с теми поведенческими формами, которые существуют у животных.

Так, он пишет следующее: «Я старался показать, что хотя и не легко проникнуть в самые источники сложных проявлений человеческого характера и воли, тем не менее, возможно установить в общих чертах ход их развития и представить человеческую волю высшего морального типа только как более сложную связь духовных сил, эволюцию которой можно начертить в виде скалы, уходящей далеко назад в царство животных». Поэтому, формулируя проблемы социальной психологии, У. Мак-Дауголл указывает на важность уяснения того, «каким образом жизнь высокоорганизованных обществ, состоящих в значительной степени из лиц с высокими моральными качествами, возможна для существ животного мира, которые сохранили многочисленные следы своего происхождения, и действия которых в значительной степени свойственны и высшим животным» [3, с.12-13].

Свое рассмотрение У. Мак-Дауголл начинает с критики тех исследователей, которые, признавая происхождение человека от доисторических предков, в жизни которых инстинкты играли первостепенное значение, полагают, что у современного человека «инстинкты атрофировались». Ему ближе точка зрения тех ученых, которые считают, что, несмотря на развитие интеллекта в ходе эволюции он не смог заменить собой инстинктов или привести к их атрофии. Он скорее контролировал и видоизменял функции инстинктов.

Остановившись на происхождении «инстинкта драчливости» и, связывая его с эмоцией гнева, У. Мак-Дауголл указывает на значительную силу его им-

пульсов и интенсивность порождаемой им эмоции. По мнению автора, он занимает особое место в ряду других инстинктов и появляется в тех случаях, когда возникает препятствие к осуществлению другого инстинктивного действия. Его задача – устранить, уничтожить препятствие, противодействие. («Самая мирная собака, если она голодна, сердито встретит всякую попытку отнять у нее кость; здоровый ребенок рано обнаруживает гнев, если ему мешают есть, да и взрослые люди с трудом подавляют раздражение в подобных случаях. В животном мире наиболее яростное возбуждение этого инстинкта проявляется у самцов многих видов, когда им мешают получить половое удовлетворение» [там же, с.44]).

В начале, У. Мак-Дауголл рассматривает проявления инстинкта в онтогенетическом плане. Он считает, что легче всего наблюдать «возбуждение гнева» у маленьких детей. («Многие дети, безо всякого внушения со стороны, вдруг, к огорчению родителей, набрасываются с открытым ртом на человека, чем-либо вызвавшего их гнев, и стараются его укусить» [там же, с. 44-45]).

В то же время, замечает автор, если на первых порах развития ребенка проявления инстинкта носят грубый характер, то в дальнейшем, с ростом ребенка и усилением контроля за своим поведением, обогащением его умственной жизни и усвоением более тонких средств устранения препятствий, мешающих его действиям, проявления инстинкта теряют свою грубость и «повышают энергию актов, направляемых против действия других инстинктов». «Энергия его импульса присоединяется к энергии других импульсов и, таким образом, помогает нам преодолевать препятствия. В этом и состоит его важное значение для цивилизованного человека» /там же/. Можно сказать, также, что У. Мак-Дауголл постоянно подчеркивает ценность этого эволюционного приобретения, когда, скажем, утверждает, что: «человек, лишенный инстинкта драчливости, не только был бы не способен выражать гнев, но у него не было бы источника той скрытой энергии, которая помогает нам выходить из затруднений, возникающих на нашем жизненном пути. В этом отношении он противоположен инстинкту страха, который стремится задержать все другие импульсы, кроме своего собственного» [там же].

Ценность данного инстинкта в эволюционном, филогенетическом плане, по мнению автора, состоит в том, что: «инстинкт воинственности или драчливости» сыграл важную роль в эволюции человека как общественного существа. Более того, в настоящее время данный инстинкт «больше всякого другого способствует обнаружениям коллективной эмоции и коллективной активности в большем масштабе» [там же, с.206]. Автор придерживается точки зрения, что, несмотря на существующие различия выраженности проявлений данного инстинкта у разных человеческих рас, из этого вовсе не следует, что он ослабел в ходе эволюционного развития. По мнению У. Мак-Дауголла, у современного человека он стал гораздо сильнее, по сравнению с первобытным, однако изменились формы его проявления, поскольку в силу развития законодательства и обычаев, исчезает необходимость в физической борьбе индивидуумов. Вместо нее появляется коллективная борьба общества и борьба внутри общин.

В качестве примера У. Мак-Дауголл приводит дикие народы, живущие небольшими, хорошо организованными общинами, в которых наблюдается подавление индивидуальной борьбы и даже личного гнева, но зато постоянно наблюдаются междоусобные, межплеменные войны, которым трудно дать рациональное объяснение, поскольку особой выгоды это не приносит, но, иногда, ведет к уничтожению целых племен. У. Мак-Дауголл считает, что такие явления обуславливаются «всецело непосредственным проявлением инстинкта драчливости». Если спросить у вождя племени о причинах таких бессмысленных войн, то в качестве довода он «сошлется на то, что иначе соседи не будут уважать его народа и уничтожат его». У. Мак-Дауголл предполагает, что инстинкт драчливости в такой форме можно обнаружить не только у дикарей или варваров. По его мнению, именно он приводил к опустошительным войнам, которые не приносили выгоды. («История христианской церкви представляет в значительной степени историю опустошительных войн, в результате которых только немногие люди или сообщества получили какую-либо непосредственную выгоду, и в возникновении которых главную роль играл инстинкт драчливости правителей или народных масс. В на-

ше время тот же инстинкт превратил Европу в вооруженный лагерь. Мы видим яснее, чем когда-либо раньше, как целой нацией руководит инстинкт борьбы» [там же, с.207]). В то же время, У. Мак-Дауголл не рассматривает проявления данного инстинкта как пережиток, который надо искоренить. Он утверждает, что «некоторые обнаружения этого инстинкта не только не наносят вредного характера, но и были одним из факторов эволюции высших форм социальной организации и, в действительности, тех специфически социальных свойств человека, высокое развитие которых представляет основное условие высокой социальной жизни» [там же, с.208].

В качестве еще одного довода в пользу эволюционного происхождения инстинкта, а также в обоснование его полезности, социализирующем влиянии У. Мак-Дауголл рассматривает ранние формы семьи. Он разделяет взгляды Аткинсона и Андрю Ланга о существовании на примитивном уровне развития общества полигамной семьи, состоящей из мужа (патриарха), его жены и детей. По мере взросления детей мужского пола они удалялись ревнивым патриархом из такой семьи-общины и обитали где-то на границе семейного круга. Такое запрещение У. Мак-Дауголл называет «первым законом», регулирующим социальные отношения. Таким образом, самый первый закон появился вследствие проявления инстинкта драчливости или воинственности. Вот как он описывает то, что происходит далее в такой первобытной семье. «Время от времени половой импульс приводил юношей к кровавой ссоре с патриархом. Когда одному из них удавалось победить, он занимал его место и правил за него» [там же, с.208]. От тех же, кто был робок – не было потомства, поскольку стать патриархом, главой семьи можно было только путем борьбы. У. Мак-Дауголл предполагает, что в ходе такой постоянной борьбы происходило формирование более высокой духовной организации, развитие осторожности, контроля самосознания, чувства собственного достоинства, способности рассуждать и взвешивать свои мотивы. При этом каждый из последующих патриархов «стоял выше своих соперников не только силой для борьбы, но и тайным образом силой дальновидного контроля своих импульсов»,

которую он передавал последующим поколениям, а «первый закон» в результате «сыграл большую роль в развитии у людей той силы самоконтроля и чувства законности, которые были основным условием прогресса общественного строительства» [там же, с.211].

Наконец, У. Мак-Дауголл обращается к человеческим сообществам на более поздней стадии их развития (диким народам) и утверждает, что борьба между индивидами заменяется борьбой между племенами, селениями, группами, поскольку «выживание и распространение группы зависят не только от силы и ярости индивидуальных борцов, но и еще в большей степени от способности индивидуумов к объединенным действиям, к добрым товарищеским отношениям, от личной честности и от умения отдельных членов подчинять свои импульсивные стремления и эгоистические порывы целям группы и приказаниям признанного вождя. Отсюда, где бы ни проявлялась, в ряду многих поколений, такая смертельная борьба между группами она должна была развивать в выживавших обществах именно те социальные и моральные свойства индивидуумов, которые представляют существенное условие всякой деятельной кооперации и высших форм социальной организации» [там же, с.212].

В итоге получается, что инстинкт драчливости, по мнению У. Мак-Дауголла, содействовал «развитию нравственной природы человека», при этом те общины, в которых был более высокий уровень нравственного развития, побеждали и уничтожали менее развитые. В качестве иллюстрации У. Мак-Дауголл приводит свои наблюдения над племенами, обитающими на о. Барнео. Он сравнивает племена, которые ведут мирный образ жизни с воинственными племенами. При ближайшем рассмотрении оказывается, что преимущество на стороне воинственных племен, а не мирных. У них лучше хижины, выше семейная нравственность, добросовестность, они сильнее физически, храбрее, у них более высокая социальная организация, поскольку они уважают своих вождей и общину. Отсюда У. Мак-Дауголл делает предположение, что поскольку эти племена принадлежат к одной и той же расе, то разница между ними это – «результат очень строгого

группового подбора, который, благодаря их воинственности, происходил в течение ряда поколений» [там же, с.213].

Обращаясь к истории развития европейских и азиатских народов, У. Мак-Дауголл всюду ищет подтверждения своих идей. Так, он ссылается на историю германских племен и утверждает, что они были самыми драчливыми (ведь недаром Юлий Цезарь считал их самыми страшными врагами, поскольку их было невозможно покорить), а сражались они потому, что любили сражаться, обожали войну. В результате «военного отбора» им удалось приобрести социальные свойства, которые позднее позволили им построить свою цивилизацию.

Сравнение европейских народов с народами Индии и Китая оказывается, по мнению автора, не в пользу последних. У. Мак-Дауголл считает, что эти народы в силу исторических особенностей своего развития лишены инстинкта драчливости. Они терпеливы, выносливы, у них нет вкуса к войне, но они лишены того социального качества, которое автор обозначает понятием «совестливость», и которое, по его мнению, «служит цементом для обществ и основным фактором их прогрессивной интеграции». Сравнение японского народа с китайским, демонстрирует, по мнению автора, то, как действует инстинкт драчливости. У японцев, которые были разделены на бесконечно сражающиеся кланы, организация общества носила военный характер, а профессия воина пользовалась уважением. В результате и «военные качества народа, наравне с социальными, были доведены до высшего уровня развития» [там же, с.215].

У. Мак-Дауголл полагает, что из инстинкта драчливости развивается соперничество, соревнование, которое, как он полагает, постепенно заменяет инстинкт драчливости и приобретает все большее значение, способствуя развитию социальной жизни. Это, считает он, – важное изменение в социальной эволюции. В отличие от инстинкта драчливости, направленного на уничтожение противника, – соперничество выглядит более гуманным. В этой связи У. Мак-Дауголл приходит к выводу, что «воинственность наций сменяется соперничеством; что война уступает место промышленной и интеллектуальной конкуренции» [там же, с.217].

Таким образом, теория У. Мак-Дауголла, несмотря на ряд, очень спорных предположений автора (некоторые он сам называет «спекуляциями», т.е. размышлениями, не основанными на эмпирической проверке), представляет интерес для этнопсихологии как одна из первых попыток дать научное объяснение стремлению людей истреблять друг друга. Кроме того, автор пытается вывести из данного инстинкта такие мотивы поведения людей как соперничество, соревнование или те или иные особенности национального характера. Интерес представляют также прогнозы автора, касающиеся дальнейшей «эволюции» данного инстинкта.

Вопросы для самоконтроля к Модулю 2

1. Кем были М.Лацарус и Х. Штейнталь, с какими историческими событиями связывается появление этнической психологии в Германии?
2. Что должна была изучать психология народов согласно М. Лацарусу и Х. Штейнталю?
3. Как М. Лацарус и Х. Штейнталь определяли понятие «народ»?
4. В чем сходство этого определения с тем, которое дает Т.Г. Стефаненко понятию «этнос»?
5. В чем состояли задачи этнической психологии по М. Лацарусу и Х. Штейнталю?
6. В чем, согласно М. Лацарусу и Х. Штейнталю проявляется дух народа?
7. Чем были обусловлены трудности применения такого классического метода психологии как метод интроспекции для изучения народного духа?
8. Чем, согласно В. Вундту, была обусловлена трудность определения предмета психологии народов?
9. В чем, по мнению ряда ученых того времени, заключалось основное, трудно разрешаемое противоречие в изучении психологии народов и какое диалектическое, по своей сути, решение предложил В. Вундт?
10. В чем состояла «чисто социально-психологическая мысль» В. Вундта, которую он проводит в своем теоретическом исследовании?

11. Какие три области исследования, по мнению В. Вундта вполне «обнимают основные проблемы психологии народов», одновременно составляя «самый дух народа»?
12. Как выглядела общая система психологии, которую разрабатывал В.Вундт, и где было «уготовано» место для этнической психологии?
13. Можно ли назвать У. Мак-Дауголла дарвинистом и социальным эволюционистом? Обоснуйте свою точку зрения высказываниями самого автора.
14. Как У.Мак-Дауголл относился к существовавшим тогда теориям, объясняющим поведение человека, и к методу интроспекции?
15. В чем состоит «задача» инстинкта драчливости, и в каких случаях он проявляется?
16. В чем, согласно У. Мак-Дауголлу, польза инстинкта драчливости для индивида и человеческого рода в целом?
17. Исчезает ли инстинкт драчливости у современного человека или преобразуется в новые формы? Если да, то в какие? Если нет, то почему?
18. Какую теорию рассматривает У. Мак-Дауголл в доказательство эволюционного происхождения инстинкта драчливости? В чем сущность этой теории?
19. Какие примеры приводит У. Мак-Дауголл, доказывая прогрессивное, положительное влияние инстинкта драчливости на организацию социума?
20. Как вы поняли, в чем состоял «первый закон» примитивного племени людей?
21. Какие народы У.Мак-Дауголл сравнивает между собой, и какие их характеристики рассматривает, доказывая преимущество одного народа над другим, на основе более развитого инстинкта драчливости?
22. В чем, по-вашему, слабость теоретических постулатов У.Мак-Дауголла?

Литература к Модулю 2

1. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке [Текст]: /Е.А. Будилова. – М.: Наука, 1983. – С.112-148.
2. Вундт В. Проблемы психологии народов [Текст]:/В.Вундт. – СПб.: Питер. – 2001. – 160 с.

3. Мак-Дауголл У. Основные проблемы социальной психологии [Текст]: /У. Мак-Дауголл. – М.: Изд-во Космос, 1916. – С.2-4, 10-13, 43-45, 206-217.
4. Сериков Г.В. Методические указания к спецкурсу «Этнопсихология» [Текст]:/Г.В. Сериков. – Ростов-на-Дону: УПЛ ЮФУ, 2007. – 24 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – 368 с.
6. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию [Текст]: Психология социального бытия /Г.Г. Шпет. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 261-372.

Модуль 3 Развитие этнопсихологических идей в России

3.1 Первое этнопсихологическое исследование в России в середине XIX века

Наиболее полно данный вопрос освещен в работе Е.А. Будиловой [1]. Она считает, что в России вообще начало социально-психологических исследований было связано с этнопсихологией. По ее мнению, то, что в этот период времени проявился интерес к народной психологии – было обусловлено необходимостью систематизировать и обработать этнографические материалы, собранные в ходе экспедиций (в том числе кругосветных). С этой целью, а также для дальнейших исследований в 1846г. было создано Русское Географическое общество. Общество должно было заняться всесторонним изучением России, причем, не только ее природных богатств и географии, но и ее населения. Возглавил этнографическое отделение РГО академик М. Бэр, членами его были К.Д Кавелин, Н.И. Надеждин. М. Бэр заявил, что одной из задач исследований является «изучение способов жизни, умственных способностей народа, нравов, религии, предрассудков, языка, сказок, песен, музыки» [там же, с.114].

К.Д. Кавелин считал, что надо изучать духовную жизнь народа. Он писал, что «нужно стремиться к определению характера народа в целом путем изучения отдельных его психических свойств и их взаимосвязи. Народ, считал он «пред-

ставляет такое же органическое существо, как и отдельный человек. Начните исследовать отдельные его нравы обычаи понятия и остановитесь на этом, вы ничего не узнаете.... Умейте взглянуть на них в их взаимной связи, в их отношении к целому народному организму, и вы подметите особенности, отличающие один народ от всех прочих» [цит. по 1, с.115]. У К.Д. Кавелина была своя программа развития этнографической науки. Он предложил метод психологического исследования духовной стороны человека по продуктам духовной деятельности, памятникам культуры, верованиям, фольклору. Е.А. Будилова отмечает, что К.Д. Кавелин высказал свои мысли много раньше М. Лацаруса, Х. Штейнталя и В. Вундта, которые также придерживались этой идеи.

Е.А. Будилова также обращает внимание на то, что Н.И. Надеждиным был предложен термин «психическая этнография». Он писал: «Под именем «этнографии психической» я заключаю обзор и исследование всех тех особенностей, коими в народах, более или менее, знаменуются проявления «духовной» стороны природы человеческой; то есть: умственные способности, сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и происходящее отсюда стремление к непрерывному самосовершенствованию; одним словом – все что возвышает «человека» над животностью... Тут, следовательно, найдут себе законное место: народная в собственном смысле «психология», или разбор и оценка удельного достоинства народного ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях... Словом – разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы, дело и безделье, коими человек доказывает, что он живет не только, как ему может, но как сам хочет и умеет» [цит. по 1, с.116]. В народную психологию входило и устное народное творчество (былины, песни, сказки, пословицы), которые рассматривались как проявление народной психики.

В конце 40-х годов начался сбор этнопсихологических материалов по специальной программе, которую рассылали по всей империи. Н.И. Надеждин, разработал программу комплексного этнографического исследования («Инструкцию

этнографическую»), которая рекомендовала описывать: «1) быт вещественный; 2) быт житейский; 3) быт нравственный; 4) язык. Третий пункт включал все явления духовной культуры и среди них «народную характеристику» то есть психический склад. Сюда же входило описание умственных и нравственных способностей, семейных отношений и воспитания детей. Народно-психологические явления предусматривались и в пункте о языке, там был вопрос о «народно-словесной производительности», словесных памятниках, устном народном творчестве. Отмечалось, что народное творчество характеризует народный темперамент, господствующие страсти и пороки, понятия о добродетели и правде» [там же, с.118].

Таким образом, заключает Е.А. Будилова, усилиями этнографического отдела Русского Географического общества возникло новое направление в психологии – народная психология. Она констатирует, что в 1847г. началась работа по сбору материалов по программе, предложенной Н.И. Надеждиным. Было разослано 7000 ее экземпляров во все губернии в местные отделы географического общества. С 1851г. по 1858г. Русское Географическое общество получило более двух с половиной тысяч рукописей, о которых К.Д. Кавелин писал, что они разного достоинства, «но многие составлены весьма подробно и с большим умением прислушиваться к народной речи и приглядываться к быту простолюдина» [там же].

Члены отделения по достоинствам оценили тот громадный и бескорыстный труд, который был в этих материалах заключен, и было принято решение издать эти труды, самые лучшие полностью, а из остальных сделать «Свод». Однако было опубликовано только 4 тома, потом еще 2, некоторые материалы были напечатаны в журнале «Живая старина» и в местных изданиях, но, сообщает Е.А. Будилова, множество рукописей так и не было опубликовано и находятся в архиве РГО. Обработка присланных материалов затруднялась их разнородностью, субъективностью, тем, что психологические наблюдения были вплетены в этнографические, каждый из наблюдателей, описывая народ среди которого жил выделял важные с его точки зрения черты. («Среди собирателей были священники, учителя, помещики, вольноотпущенные крестьяне, чиновники, лекари. Все они записы-

вали свои наблюдения по-разному, а главное, они и видели все по-разному, порою же явно стремились выделить те факты и психологические качества, которые соответствовали их представлениям о народе. Так, например, священники выделяли черты религиозности, учителя – образованность и умственное развитие и т.д.» [там же, с.119]). Помимо вышеуказанных трудностей практического изучения психологии народа возникали и принципиальные методологические проблемы. Как уже упоминалось, К.Д. Кавелин считал, что возможно объективное изучение психики по продуктам дух деятельности. «Только благодаря такому обнаружению психической жизни во внешних предметах и явлениях, становится возможным *наряду с знанием природы и положительное знание духовной стороны человека.* Только на основании внешних проявлений психической жизни мы можем говорить о праве, об искусстве, о философии... Благодаря объективной определенности этих следов стала возможна даже история верований, языка политических учений и учреждений, искусств, наук, философии и культуры. Сравнивая однородные явления у разных народов и у одного того же народа в различные эпохи исторической жизни, мы узнаем, как эти явления изменялись, и подмечаем законы таких изменений, которые в свою очередь служат материалом для исследования законов психической жизни и деятельности. Все науки готовят, таким образом, материал для психологии, *и от степени совершенства его выработки зависит большая или меньшая положительность психологических исследований* [цит. по 3, с.220] (курсив И.М. Сеченова–Г.С.). Здесь уже прослеживаются намеки на те подходы, которые позднее получили название «эмик» и «этик», подходы, послужившие основой психологической антропологии и сравнительно-культурной психологии. Данная идея, наряду с другими, была сформулирована К.Д. Кавелиным в его книге «Задачи психологии», которая подверглась достаточно жесткой критике со стороны знаменитого русского физиолога И.М. Сеченова. Он (впрочем, так же как и К.Д. Кавелин, предлагавший пути, на которых психология станет «положительной наукой») считал психологию «неустановившейся наукой», а судьбу ею странной. Вроде бы с помощью самонаблюдения ее материал доступен каждому

человеку и этот материал не был «неутилизированным балластом», поскольку великие произведения искусства опирались на эти психологические знания, многие мыслители работали над психологией. Однако, по мнению И.М. Сеченова, она все-таки является неустановившейся наукой, по сравнению с естественными науками. По всей видимости, он исходил из критерия практического использования достижений науки, и полагал, что если есть какие-то открытия, установленные законы в этой области, то первые, кто должен следовать этим законам – это сами психологи. «Если взять любого из патентованных психологов, напр., какого-нибудь профессора психологии, и спросить его по совести, устраивает ли он свою внутреннюю жизнь на основании данных выработанных его наукой, или же руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденной жизнью, без проверки их наукой, – всякий должен будет ответить, что он живет на последний лад. Да и может ли быть иначе? Если бы психологи жили по-научному, то результаты их образа жизни давно бы проникли в публику, подобно тому, как в нее проникают сведения, вырабатываемые гигиеной и диетикой, хотя эти науки принадлежат также к крайне мало развитым. Кроме того, попробуйте поговорить об одном и том же предмете с психологами разных школ, – что ни школа, то новое мнение; а заведите для сравнения речь хоть напр. о звуке, свете, электричестве с любым физиком любой страны – от всех в сущности получите одинаковые ответы» [2, с.180-181]. Все доводы К.Д. Кавелина, попытавшегося объяснить данное положение вещей сложностью, противоречивостью человека, обусловленной его телесно-душевной организацией, его предложение объединить усилия психологов и физиологов, для того, чтобы сделать ее «положительной наукой» – И.М. Сеченов не принимает всерьез. Не принимает он также и идею изучения продуктов творчества человеческого духа в науках, искусстве, промышленности и т.п. Он полагает, что это мало что даст для понимания психологии тех людей, которые создавали эти творческие продукты. К тому же неясно, с какого исторического периода начать. «Если обратиться с психическим анализом даже к самым зачаточным проявлениям цивилизации в человеческом обществе, то мы встречаем

уже человека одаренным всеми теми умственными средствами, которые делают из него наблюдателя, мыслителя, ученого и художника» [там же, с.207]. По затратам умственной энергии, полагает И.М. Сеченов, изобретения прошлого сравнимы с нынешними, и если бы этих изобретателей перенести в нашу эпоху, то они бы стали знаменитыми физиками, химиками, техниками. Изучение памятников могло бы дать понимание того, как появлялись те или иные изобретения, дать историю аналогий, историю идей, но не открыло бы тайны психических процессов. В качестве еще одного аргумента И.М. Сеченов приводит следующее рассуждение. «Всякий психолог, встречаясь с любым памятником умственной деятельности человека и задавшись мыслью проанализировать его, по необходимости должен подкладывать изобретателю памятника и собственную мерку наблюдательности и собственные представления о способности пользоваться аналогиями, делать выводы и пр. Вне этой мерки, анализ, очевидно не возможен. Поэтому-то и выходит, что древний изобретатель огня представляется нам по силе творчества не ниже какого-нибудь Лавуазье. Дело другого рода, если бы из памятников разных эпох можно было с уверенностью заключать, что вот тогда-то человек не мог еще наблюдать, тогда-то он еще не пользовался аналогиями и проч; но ведь это, очевидно, невозможно; в самом крайнем случае можно только сказать, что тогда-то он наблюдал плохо, в этот период лучше и проч. Итак, не отрицая важности материала, рекомендуемого г. Кавелиным, мы все-таки остаемся при убеждении, что не в нем лежит средство к рассеянию тьмы, окружающей психические процессы» [там же, с.208]. Взгляды, высказанные К.Д. Кавелиным, шли в разрез с представлениями И.М. Сеченова еще и потому, что последний в работе «Кому и как разрабатывать психологию» настаивает на том, что надо «передать аналитическую разработку психических явлений в руки физиологии», «все психические акты, совершающиеся по типу рефлексивных, должны *всецело* подлежать физиологическому исследованию» [4, с.241], пишет, что положительной наукой психологию «может сделать одна только физиология, так как она одна держит в своих руках ключ к истинно научному анализу психических явлений» [там же, с.243]. И.М.

Сеченов всячески подчеркивал значение процессуальных аспектов психического (психология обязана «вывести все стороны психической деятельности из понятия процесса, движения» [там же, с.252]) и, вполне естественно, считал, что изучение его результативных аспектов (в данном случае продуктов культуры) мало что даст для понимания этой процессуальной части. Е.А. Будилова констатирует, что дискуссия между К.Д. Кавелиным и И.М. Сеченовым, завершилась, по мнению современников, победой И.М. Сеченова.

В целом, завершая краткое рассмотрение этого интересного «эпизода» развития русской науки и деятельности РГО, можно констатировать, что нерешенные проблемы методологического и практического характера помешали созданию и развитию этнопсихологии в России.

3.2 Проблема национального характера в работах Н.Г. Чернышевского

Выдающийся русский писатель и мыслитель Н.Г. Чернышевский в своих статьях (1885-1889) касался проблемы национального характера, показывая всю ее сложность и неоднозначность.

Н.Г. Чернышевский определяет народ следующим образом: «народ – группа людей, качество народа – сумма индивидуальных качеств людей, составляющих эту группу; поэтому качества народа изменяются переменой качеств отдельных людей, и причины перемен одни и те же в обоих случаях» [5, с.180]. Таким образом, он выводит качества народа из качеств составляющих его личностей, а изменение этих качеств рассматривает как следствие изменения качеств людей, составляющих народ. Отсюда следует быть осторожными с практикой приписывания тех или иных качеств одному народу и отказа в их наличии другому. Так, Н.Г.Чернышевский считает, что если любознательность является качеством, которое присуще каждому нормальному человеку, то ошибочным было бы приписывать одним народам любознательность, а у других отрицать ее наличие. Следуя этой логике, Н.Г. Чернышевский полагает, что если внешние обстоятельства могут играть роль, благоприятствуя или наоборот, мешая развитию тех или иных качеств у человека, точно таким же образом это может происходить с народом.

(«Что может происходить с отдельным человеком, то может происходить и с огромным большинством народа, если оно подвергается тем же давлениям, и с целым народом, если подвергаются им все люди, составляющие его. При благоприятных обстоятельствах врожденная склонность человека к приобретению сведений и к улучшению своей жизни развивается; то же самое, несомненно, относительно народа, потому, что все перемены в его физическом ли, умственном ли состоянии – суммы перемен, происходящих в состоянии отдельных людей» [там же, с.181]). Эта мысль Н.Г. Чернышевского (что целое – равно сумме его составляющих) существенно отличается от взглядов В. Вундта, носящих социально-психологический характер.

Н.Г. Чернышевский отмечает сложность самого понятия «народный характер». Он считает, что то множество представлений о нем, которые существуют, можно разложить «на несколько разрядов очень неодинаковых по степени своей устойчивости». К одному разряду он относит те качества умственные и нравственные, которые обуславливаются различием физических типов (темпераментов), к другому – отличия в языке, далее разница в образе жизни, обычаях, степени образованности. Н.Г. Чернышевский считает, что делить народы по темпераменту неверно, поскольку в каждом народе присутствуют представители всех темпераментов и, может так оказаться, что наши представления, о преобладании того или иного типа темперамента в данном народе ошибочны. Даже если мы возьмем малочисленный народ, в котором какая-нибудь характеристика физического типа действительно широко представлена, то и в этом случае «мы увидим, что очень значительная часть людей этого народа имеет не те умственные и нравственные качества, какие соответствуют понятиям о темпераменте, производимом особенностью его физического типа» [там же, с.185]. Так, рассуждает далее Н.Г. Чернышевский, пусть по своему темпераменту эти люди являются флегматиками. В этом случае мы вправе предложить у них наличие медленных движений и речи, однако в действительности оказывается, что многие из них более похожи на сангвиников. (По сути, Н.Г. Чернышевский проводит мысль о том, что нет «чистых»

видов, типов темперамента). В результате Н.Г. Чернышевский приходит к выводу, что «природный темперамент вообще заслоняется влиянием жизни, так что различить его несравненно труднее, чем обыкновенно предполагают; внимательно разбирая факты, мы должны придти к мнению, что врожденные склонности к быстроте и медленности движения и речи слабы и гибки, что главное дело не в них, а в том влиянии, какое оказывают на народы, племя или сословие народа обстоятельства жизни» [там же, с.185-186]. (Здесь уже прослеживается чисто социально-психологический подход).

Особого внимания, считает в этой связи Н.Г. Чернышевский, заслуживает то обстоятельство, те или иные проявления темперамента на самом деле бывают у целых народов или сословий следствием обычая.

Н.Г. Чернышевский резко выступал против теорий, которые считали, что между народами существует разница в умственных способностях, поскольку они происходят от разных предков. По его мнению «вся масса населения Западной Европы происходит от людей одного отдела арийского семейства и должна быть признана имеющей одинаковые наследственные умственные качества», кроме того, «если в настоящее время находятся какие-нибудь неодинаковости между западными народами в умственном отношении, они получены ими не от природы их племени, а исключительно от исторической жизни, и будут сохранены или не сохранены ими, смотря по тому, как будет идти она» [там же].

Н.Г. Чернышевский указывал на частое смешение двух понятий «сила ума» и «образованность», что и порождает привычные суждения, не основанные на достоверных исследованиях. Врожденных различий нет, считает автор, основываясь на данных современной ему лингвистики, и подчеркивает, что все народы Западной Европы потомки одного народа. Конечно, Н.Г. Чернышевский признает, что различия по языку очень важны в практической жизни (по его мнению, язык это самое существенное различие между народами), поскольку те люди, которые говорят на одном языке, склонны считать себя одним национальным целым, у них возникает чувство национального патриотизма и, в тоже время, чувство неприяз-

ни к людям, говорящим на ином языке. Однако он категорически не согласен с тем, что грамматический строй того или иного языка может как-то определять умственные способности народа, говорящего на нем. Н.Г. Чернышевский считает, что «это пустая фантазия. Этимологические формы в отдельности от правил синтаксиса не имеют никакой важности; а правила синтаксиса во всех языках удовлетворительно определяют логические отношения между словами» [там же, с.187]. По мнению автора, существенным является богатство или бедность словаря, но это свидетельствует лишь о тех знаниях, которыми обладает народ, о степени его образованности, образе жизни, его связях с другими народами.

Н.Г. Чернышевский последовательно проводит мысль о том, что внешние обстоятельства, в которых находится представитель того или иного народа, имеют первостепенную важность, когда мы беремся судить о тех или иных его чертах. Он подчеркивает, что сословные и профессиональные различия (различия между ремесленниками, землепашцами, знатью), а не какие-то иные факторы являются важными. «Португальский вельможа по образу жизни и по понятиям гораздо более похож на шведского вельможу, чем на земледельца своей нации; португальский земледелец более похож в этих отношениях на шотландского или норвежского земледельца, чем на лиссабонского богатого негоцианта» [там же, с.188]. То же самое относится к степени образованности, которая отличается в пределах одного народа.

Подытоживая свои рассуждения, автор еще раз указывает на отсутствие точных и прямых сведений об умственном развитии и нравственных качествах того или иного народа, и утверждает, что «ходячие понятия о характерах их составлены не только по материалам недостаточным, но пристрастно и небрежно. Самый обыкновенный случай небрежности тот, что случайно приобретенные сведения о качествах какой-нибудь малочисленной группы людей становятся характеристикой целой нации» [там же, с.189]. (Здесь, на наш взгляд, Н.Г. Чернышевский, вплотную подходит к тому явлению, которое позднее, в начале XX века, получило название «этнический стереотип»). По мнению Н.Г. Чернышевского со-

временная ему наука не обладает знаниями о качествах народа, и может только судить о состоянии этих качеств, которые могут меняться под влиянием обстоятельств. «Формы быта имеют влияние на нравственные качества людей. С переменю форм быта эти качества изменяются. Уже по одному тому, всякая характеристика цивилизованного народа, приписывающая ему какие-нибудь неизменные качества, должна быть признаваема ложной» [там же]. Н.Г. Чернышевский порицает стремление объяснить историю народа, основываясь на предположении о неизменных умственных и нравственных его качествах. Нельзя делить народы на более способные и менее способные к достижению высокой цивилизации. Есть факторы, способствующие такому стремлению, а есть факторы, мешающие его осуществлению.

Таким образом, Н.Г. Чернышевский не только обозначил трудности, проблемы, связанные с изучением национального характера, но и высказал ряд ценных критических замечаний, направленных против упрощенного примитивного понимания сути проблемы, обращая внимание на те социальные факторы («внешние факторы»), которые, по его мнению, на самом деле, влияют на формирование определенных черт национального характера.

Вопросы для самоконтроля к Модулю 3

1. Чем был вызван интерес к народной психологии в России в период образования Русского географического общества?
2. В чем состояли задачи этого общества?
3. Кто был автором «инструкции этнографической», и из каких разделов она состояла?
4. Чем обуславливалась трудность обработки и обобщения полученного в результате материала?
5. В чем суть идеи Д.К. Кавелина, вызвавшей возражения И.М. Сеченова?
6. Какие доводы против предложения Д.К. Кавелина приводил И.М. Сеченов?
7. В чем сложность понятия «народный характер» по Н.Г. Чернышевскому? Как он классифицирует представления о народном характере?

8. Почему Н.Г. Чернышевский считал, что неправильно делить народы по темпераменту?
9. Какие факторы, по мнению Н.Г. Чернышевского влияют на характер народа в большей степени, чем темперамент?
10. Какие аргументы приводит Н.Г. Чернышевский, доказывая мысль, что народы нельзя делить по степени развития умственных способностей?
11. Каково мнение Н.Г. Чернышевского по поводу того, что грамматический строй того или иного языка может обуславливать умственные способности народа?

Литература к Модулю 3

1. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке [Текст]:/Е.А. Будилова. – М.: Наука, 1983. – С.112-148.
2. Сеченов И.М. Замечания на книгу г. Кавелина: «Задачи психологии» [Текст]: Избранные философские и психологические произведения /И.М. Сеченов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1947. – С. 197-209.
3. Сеченов И.М. Несколько слов в ответ на «письма г. Кавелина» [Текст]: Избранные философские и психологические произведения/ И.М. Сеченов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – С. 219-221.
4. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию [Текст]: Избранные философские и психологические произведения /И.М. Сеченов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – С. 222-308.
5. Чернышевский Н.Г. О различиях между народами по национальному характеру [Текст]: Избранные педагогические высказывания /Н.Г. Чернышевский. – М.: Гос. уч. пед. изд-во наркомпроса РСФСР, 1940. – С.180-191.

Модуль 4 Состояние этнопсихологии в СССР в первой трети 20 века

4.1 Г.Г. Шпет о необходимости создания этнической психологии в нашей стране

(Краткая биографическая справка. Густав Густавович Шпет родился в 1878г. в Киеве. В 1898г. он окончил гимназию, и далее в течение 2-х лет учился в Киевском университете на физико-математическом факультете (откуда были исключен за революционную деятельность, арестован и выслан из Киева). В 1901 году он восстанавливается на историко-филологический факультет Киевского университета. Получив по его окончанию за конкурсное сочинение «Проблемы причинности у Юма и Канта» золотую медаль, Г.Г. Шпет был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию, но не смог осуществить своих планов (из-за «политической неблагонадежности»). Несколько лет он работает учителем в гимназии, затем вместе со своим учителем Г.И. Челпановым переезжает в Москву, преподает на Высших женских курсах, а с 1909 г в университете Шанявского. С 1910 по 1913 он находился в заграничной командировке (Геттинген, Берлин, Париж, Эдинбург). В 1916 году защищает диссертацию «История как проблема логик», становится профессором высших женских курсов, а в 1918 году – профессором Московского университета. Г.Г. Шпет был человеком блестяще образованным (знал 17 языков), что обусловило широту его научных интересов и позволило ему читать разнообразные лекционные курсы. Он был избран академиком Государственной академии художественных наук, (позднее, ее вице-президентом), членом художественного совета МХАТ, а с 1932г. – профессором Академии высшего актерского мастерства. Однако, в 1927г. его начали преследовать, критиковать и, в конце концов, лишили возможности заниматься научной работой. Несколько лет Г.Г. Шпет занимался только переводами художественной литературы. В 1935 году был арестован, сослан в Енисейск, затем в 1937 году его вновь арестовывают и приговаривают к 10 годам заключения без права переписки. Умер в 1940 году в тюрьме НКВД).

В 1920 году в России Г.Г. Шпетом была предпринята попытка создания этнической психологии. Он считал необходимым учредить кабинет этнической и социальной психологии при историко-филологическом факультете Московского госуниверситета. В докладной записке [4] Г.Г. Шпет пишет, что «Этнопсихология

– это отрасль психологии, охватывающая изучение таких разнообразных проявлений душевной жизни человека как язык, мифы, верования, поэтическое творчество, нравы, искусство и т.д. Россия с ее сложным этническим составом населения, с разнообразием культурных уровней и характеров населяющих ее национальностей и народов предоставляет особенно благоприятные условия для разработки науки этнической и социальной психологии... Наконец, давно начатое и успешно выполняемое изучение состава русского населения в антропологическом и этнографическом отношениях серьезно нуждается в дополнении со стороны соответствующей организации психологического исследования. У нас нет подготовки, нет разработанных методов и даже отчетливо сформулированных задач по изучению психологических особенностей народов» [там же, с.159].

Таким образом, Г.Г. Шпет определяет эту область знаний как отрасль психологии, которая охватывает изучение таких явлений как язык, мифы, верования, нравы, искусство, т.е. всего того, что призывали изучать Кавелин, Лацарус и Штейнталь, а также – Вундт. Свои идеи Г.Г. Шпет изложил более подробно в книге «Введение в этническую психологию» (1927), которую он, в первоначальном виде, написал еще в конце 1916г. Историк психологии Е.А. Будилова пишет, что: «по своему содержанию эта работа представляет и критическое обобщенное изложение состояния этнической психологии, и утверждение его положений о главных линиях развития этнической психологии как части раздела социальной психологии» [1, с.140].

В предисловии к своей книге [3] Г.Г. Шпет сообщает читателям, что хотел подвергнуть свои теоретические положения «лабораторной проверке», но ему помешали «обстоятельства времени». Автор обращает внимание на то, что наиболее резкой критике в его работе подвергся В. Вундт, и что свое определение этнической психологии он ведет «по магистрали Штейнталья», поскольку сохраняется ее психологическая терминология [там же, с. 264-265]. В то же время Г.Г. Шпет констатирует, что Штейнталь употреблял понятия «душа», «дух народа» в значении некой субстанции. В отличие от него Г.Г. Шпет придает им иное значение, лиша-

ет их субстанциальности, рассматривает как вспомогательные, «рабочие понятия». Он пишет, что термин «дух народа» удобен тем, что толкуется *коллективно* и «*формально* это есть лишь указание на некоторого рода *тип* или характер, а потому нечто изначально коллективное, что обязывает нас, обратно, и индивидуальное – в его структуре и составе – трактовать как коллективное. Все это – не простое истолкование и перетолкование термина, а новый *смысл*, новый *принцип*, новый *метод* [там же, с.256-257]. Г.Г. Шпет считает, что «индивид – коллективен, и по составу, и как продукт коллективного воздействия». В свою очередь «коллектив, – субъект совокупного действия, которое по своей психологической природе, есть не что иное, как общая субъективная реакция коллектива на все объективно совершающиеся явления природы и его собственной социальной жизни и истории. Каждый исторически образующийся коллектив, – народ, класс, союз, город, деревня, и т.д., – *по-своему* воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит, объективно текущую обстановку, условия своего бытия, само это бытие – и именно в *этом его отношении ко всему*, что объективно есть, выражается его «дух», или «душа», или «характер», в реальном смысле». Из сказанного следует, что материал психологии в этом смысле – всецело *объективен* [там же, с.266]. Г.Г. Шпет считает, что, поскольку выражение чего-либо, – это его объективация (а в случае коллектива мы имеем – объективацию совокупной субъективности), то задача и состоит в том, чтобы на основе объективированного судить о субъекте. Автор критикует В. Вундта за то, что тот придерживался взгляда, что объективация есть осуществление какой-либо идеи, что позволяло рассматривать любой продукт культуры в качестве психологического продукта. По мнению Г.Г. Шпета «осуществление идеи, в действительности, объективно», но здесь, утверждает он, психологии делать нечего. Он постоянно подчеркивает, что идею осуществляют субъекты, привнося свою субъективность и психологическое содержание в выражаемое, в объективируемое. «Культурное явление, как выражение смысла, объективно, но в нем же, в этом выражении, есть сознательное или бессознательное отношение к этому «смыслу», оно именно – объект психологии. Не

смысл, не значение, а со-значение, *сопровождающие* осуществление исторического, субъективные реакции, переживания, отношение к нему – предмет психологии» /там же, с.267/. Возвращаясь к коллективу, Г.Г. Шпет пишет о том, что «то, что мы назвали «реакциями» коллектива, его отношение к вещам и людям, его отклики» на жизнь и труд – уже беспредельная область чувств, настроений, характеров, ибо вся социальная и этническая психология в основном своем есть *социальная характерология* [там же, с.268].

Таким образом, в своей книге, Г.Г. Шпет подверг резкой критике, существовавшие в то время представления о предмете, задачах этнической психологии, высказал ряд методологических требований, сформулировал свое понимание того, чем должна заниматься данная наука, выдвигая на первый план идею изучения коллективного, типического, характерологического выражаемого, объективируемого в продуктах творчества людей («социальная и этническая психология располагают в изобильном богатстве индивидуально и типически разнообразным материалом бесконечного числа самих продуктов творчества, несущих на себе субъективную печать времен, народов, стран, лиц» [там же]).

4.2 Психологическое исследование А.Р. Лурия в Узбекистане как пример комплексного полевого этнопсихологического эксперимента

Исследование А.Р. Лурия в Узбекистане – по сути одно из самых первых основательных этнопсихологических исследований в СССР. Следует отметить, что само исследование проходило в 1931-1932 годах, а его результаты увидели свет лишь через 40 лет – в 1974. Это, во многом, объясняется сложившимся негативным отношением к этнопсихологии в нашей стране, когда нужды в серьезных исследованиях не было, а социологам и этнографам было разрешено заниматься доказательством того, что каждый из многочисленных народов нашей страны, ни в чем не нуждаясь, расцветает во всех отношениях и вскоре произойдет слияние всех народов в единую общность «советский народ».

Какова же была идея исследования проведенного А.Л. Лурия, в чем состояли его задачи? Надо отметить, что его идейным вдохновителем был выдающийся

советский психолог Л.С. Выготский, который разработал культурно-историческую концепцию развития высших психических функций и утверждал, что сознание имеет смысловое и системное строение.

Данная теория, по мнению А.Р. Лурия, дала возможность по-новому подойти к изучению форм сознательной жизни человека, анализировать коренные изменения в строении психических процессов, лежащих в основе психической деятельности на отдельных этапах ее развития, проследить «историческое формирование психических систем». При этом появилась возможность новаторски подойти не только к изучению индивидуального развития, но и исследовать ход общественно-исторического формирования психических процессов.

Задачей А.Р. Лурия, таким образом, было выяснить «вызывает ли смена общественно-исторических укладов и изменения в характере общественной практики лишь расширение опыта, приобретение новых навыков и знаний и овладение грамотой и т.д. или же приводит к коренной перестройке структуры психических процессов, к изменению уровня построения психической деятельности, к формированию новых психических систем?» [2, с.24].

Почему в качестве «экспериментальной площадки» был выбран Узбекистан? Дело в том, что в начале 30-х годов в Узбекистане сложилась уникальная ситуация – в один исторический период развития общества существовали представители, «носители» двух общественно-экономических укладов: феодального и нарождающегося социалистического.

Исследовательская группа работала: во-первых, с отсталыми, неграмотными группами населения, живущими в отдаленных кишлаках (это женщины «ичкари», занимавшиеся всю свою жизнь вышиванием, воспитанием детей, и не принимающие участия в общественной жизни, а также неграмотные мужчины «дехкане» (крестьяне), которые вели индивидуальное хозяйство и не были вовлечены в общественные формы труда.

Во-вторых, работа велась с людьми, которые в разной степени, но уже приблизились к образованию и общественным формам труда. Это были малограмот-

ные женщины-слушатели кратковременных курсов для воспитательниц детских садов, представители колхозного актива (председатели, бригадиры, члены правления, которые уже прошли кратковременные курсы и активно работали в колхозах, хотя и были малограмотными), а также студентки, принятые в педагогический техникум, после двух-трех лет обучения в школе или на курсах.

По поводу последних трех групп А.Р. Лурия пишет, что у них были условия «для коренных психологических сдвигов: появились новые, прежде не существовавшие мотивы деятельности, формы приобщения к культуре и овладения теми средствами культуры (грамоты, знаний), которые раньше были им чужды; возникли ранее не существовавшие формы отношений, которые с переходом к новым формам социалистического хозяйства вносили в жизнь человека новые принципы» [там же, с. 27].

А.Р. Лурия предполагал, что у неграмотных дехкан и женщин ичкари будут преобладать такие формы отражения действительности, которые основаны на их непосредственно наглядно-действенной практике. Что касается других групп, то предполагалось наличие более сложных опосредованных форм психической деятельности. Исследование А.Р. Лурия можно с полным правом назвать полевым, поскольку оно проводилось в естественных, привычных для испытуемых условиях (беседа на узбекском языке в непринужденной обстановке, в чайхане, причем эти беседы нередко имели коллективный характер). Испытуемому задавались в привычной для него форме задачи, вопросы, а экспериментатор не только фиксировал ответы, но, продолжая вести беседу, предлагал различные варианты помощи, чтобы выяснить сможет ли он воспользоваться ею, то есть применялся констатирующий и обучающий эксперименты. При этом, «задачи на обобщение» были сформулированы так, чтобы их решение «могло носить наглядно-действенный, ситуационный или отвлеченный, категориальный характер». Что касается «задач на вывод или умозаключение», то при их решении испытуемый мог либо опираться на свой практический опыт, либо выходить за пределы практического опыта (перенос на новую ситуацию).

Основная гипотеза А.Р. Лурия состояла в том, что «люди, у которых ведущую роль играет наглядно-действенное, практическое отражение действительности, должны отличаться от людей, у которых преобладают формы отвлеченного, вербально-логического отражения действительности, иной системой психических процессов; что всякие сдвиги в характере этого кодирования неизбежно должны отразиться на системном строении осуществляющих эти виды деятельности психических процессов» [там же, с.30]. Исследование носило комплексный характер (изучалось восприятие, абстракция и обобщение, умозаключение и вывод, рассуждение и решение задач, воображение, самоанализ и самосознание). При этом выявлялось соотношение наглядно-действенных и вербально-логических компонентов в тех ответах, которые давали испытуемые.

Так, исследование восприятия (необходимо было разложить моточки шерсти различных оттенков по группам в соответствии с категориальным (красный, желтый и т.п.) названием) показало, что для женщин ичкари, имеющих богатую практику вышивания, это задание оказалось невыполнимым, в то время как испытуемые из второй группы, достаточно хорошо справлялись с заданиями.

Кроме того, изучалось восприятие формы и оптико-геометрические иллюзии. По мнению А.Р. Лурия: «полученные данные показали, что даже относительно простые процессы восприятия цветовых оттенков и геометрических форм в значительной степени зависят от характера практики субъекта и от его культурного уровня» [там же, с.57].

Исследование мышления, в свою очередь продемонстрировало, что люди, в практике которых преобладали наглядно-действенные операции, не смогли обобщить (группировать) предметы, а также выделить их отвлеченные признаки, отнести их к отвлеченным категориям. Оказалось, что операции отвлеченного категориального мышления заменялись операциями восстановления наглядно-действенных ситуаций, то есть подструктура наглядно-действенного мышления, конкретно-практический опыт играли ведущую роль по сравнению с подструкту-

рой абстрактно-логического мышления. При этом само значение слов, как основных орудий мышления, было иным.

Работа А.Р. Лурия в Узбекистане и ее детальное описание не потеряли своего значения и в наши дни, являя собой пример теоретически обоснованного новаторского, многопланового, длительного и тщательно продуманного этнопсихологического исследования.

Вопросы для самоконтроля к Модулю 4

1. Кем был Г.Г. Шпет? Расскажите о его жизненном пути.
2. Что предлагал организовать Г.Г. Шпет при историко-филологическом факультете Московского университета, чем он обосновывал необходимость осуществления своего предложения?
3. Что помешало Г.Г. Шпету продолжить работу по созданию этнопсихологии в нашей стране?
4. В чем состояло то новое, что предлагал Г.Г. Шпет?
5. Какую гипотезу проверял А.Р. Лурия в ходе своего исследования Узбекистане?
6. В чем сущность культурно-исторической концепции Л.С. Выготского?
7. Почему исследование А.Р. Лурия проводилось в Узбекистане?
8. Какие высшие психические функции изучал А.Р. Лурия в Узбекистане?
9. Каковы были результаты исследования восприятия и мышления?
10. Как вы думаете, почему результаты исследования А.Р. Лурия в Узбекистане были опубликованы лишь спустя 40 лет?
11. Подтвердилась ли культурно-историческая теория Л.С.Выготского в исследовании А.Р. Лурия?

Литература к Модулю 4

- 1.Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке [Текст]: /Е.А. Будилова. – М.: Наука. 1983. – С.112-148.
- 2.Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов [Текст]:/А.Р. Лурия. – М.: Наука, 1974. – 171 с.

3. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию [Текст]: Психология социального бытия /Г.Г. Шпет. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 261-372.

4. Первая этнопсихологическая лаборатория в России [Текст] //Вопросы психологии, 1990, № 4. – С. 159-160.

Модуль 5 Этнопсихология в середине 20 века

5.1 Исследование межэтнических отношений, предрассудков, стереотипов в середине XX века

Анализ проблем, связанных с исследованием предрассудков, предрассудков, стереотипов в середине XX века был хорошо представлен в одной из ранних работ И.С. Кона, посвященных социально-психологическим корням этнических предрассудков. Необходимо отметить, что эта работа впервые была опубликована в 1966 году, и она несет на себе печать тех идеологических установок, которые существовали в этот период. В то же время работа не потеряла своей ценности не только в историческом плане – как одна из пионерских, но и по уровню анализа представленного в ней фактического материала, по значимости рассматриваемых в ней проблем, которые в дальнейшем получили более детальную разработку в работах современных отечественных и зарубежных этнопсихологов.

Свое исследование И.С. Кон начинает с вопроса о природе этнических предрассудков, а именно: откуда они берутся, его интересует их «локализация» (особенности индивидуальной психологии или же структура общественного сознания), их межпоколенная трансляция и, наконец, пути, способы, условия их преодоления. При этом, автор отмечает сложность проблемы и пытается показать близость таких понятий как «предрассудок», «установка», «стереотип».

К рассмотрению вопроса И.С. Кон приступает с общепсихологических, гносеологических позиций, постулатов, утверждающих, что восприятие человеком того или иного явления не является элементарным актом, но обуславливается его личной «системой отсчета», предшествующим опытом, интересами, практическими

целями субъекта, его неосознаваемыми установками. Следуя теории Узнадзе, автор определяет установку как «определенное направление личности, состояние готовности, тенденцию к определенной деятельности, способной удовлетворить какие-то потребности человека» [там же, с.207]. В системе таких установок аккумулируется, (незаметно для самого субъекта) его прошлый опыт, настроения той среды, которая его окружает и они имеют место и в общественной психологии, в сфере человеческих взаимоотношений. Поэтому, встречаясь с другими людьми, человек заранее ожидает от них определенного поведения. Оценка другого в этом случае, подчеркивает автор, зависит от того, насколько он соответствует или не соответствует ранее сформировавшемуся эталону.

И.С. Кон определяет стереотип как «предвзятое, то есть не основанное на свежей, непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартизованных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений», а стереотипизирование, как он полагает, «состоит в том, что сложное индивидуальное явление механически подводится под простую общую формулу или образ, характеризующие (правильно или ложно) класс таких явлений». По мнению автора, стереотипы это атрибут обыденного сознания, его неотъемлемый элемент. Они аккумулируют коллективный опыт и необходимы человеку, чтобы ориентироваться в жизни, направляют, обуславливают его поведение в различных ситуациях, поскольку: «ни один человек не в состоянии самостоятельно, творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации» [там же].

И.С. Кон отмечает такие свойства стереотипа как его истинность или ложность, его отрицательную или положительную эмоциональную окраску, посредством которой выражается отношение к тому или иному явлению. От свойств, характеристик социальных стереотипов автор, далее переходит к национальным этническим, стереотипам: «Каждая этническая группа (племя, народность, нация, любая группа людей, связанная общностью происхождения и отличающаяся определенными чертами от других человеческих групп) обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует ее – действительные и воображаемые – спе-

цифические черты. Любая нация интуитивно ассоциируется с тем или иным образом [там же, с.209].

И.С. Кон считает, что национальные особенности трудно оценивать, поскольку у народов, как и у отдельных людей, недостатки – это продолжение достоинств. Кроме того, вне зависимости от своего желания, оценка, восприятие других обычаев, традиций, форм поведения неизбежно осуществляется через призму собственных обычаев, культурных традиций и ценностей, что и носит название «этноцентризма». Автор замечает, что это вполне естественное явление, когда свои обычаи, нормы, поведение воспринимаются как нормальные и естественные, а чужие обычаи кажутся странными, нелепыми, неприемлемыми. Проблема возникает тогда, когда эти различия (реальные или воображаемые) «возводятся в главное качество и превращаются во враждебную психологическую установку по отношению к какой-то этнической группе, установку, которая разобщает народы и психологически, а затем и теоретически, обосновывает политику дискриминации. Это и есть этническое предубеждение» [там же, с.210]. На основе анализа ряда определений, сформулированных западными исследователями, И.С. Кон приходит к выводу, что в данном случае мы имеем дело с обобщенной установкой, которая ориентирует на враждебное отношение ко всем членам определенной этнической группы, независимо от их индивидуальности. Эта установка, по мнению автора: «имеет характер стереотипа, стандартного эмоционально окрашенного образа – это подчеркивается самой этимологией слов предрассудок, предубеждение, то есть нечто, предшествующее рассудку и сознательному убеждению; наконец эта установка обладает большой устойчивостью и очень плохо поддается изменению под влиянием рациональных доводов» [там же, с.210-211].

И.С. Кон намечает несколько путей исследования предубеждений:

1) исследование психики непосредственных носителей таких предубеждений, этим путем идет психиатрия и отчасти психология; 2) исследование общественных условий, общества, порождающего такие предубеждения, поскольку предубеждение это «социальный факт, общественное явление» – это задача социологии.

Что касается внутреннего мира предубежденных людей (расистов), то, по мнению автора, люди, у которых есть предубеждения, касающиеся какой-нибудь этнической группы, уверены, что их враждебное отношение к этой группе – вполне естественно и «вызвано ее дурными качествами или плохим поведением». В своих убеждениях они часто основываются на личном опыте общения с людьми определенной национальности. В связи с этим, можно предположить, что личные контакты могут через неправомерное обобщение вызывать предубеждения: «отрицательная оценка одного индивида другим превращается в отрицательный стереотип этнической группы: все мексиканцы такие, все японцы такие» [там же, с.213]. И.С. Кон полагает, что данная теория может объяснить индивидуальную разницу в выраженности предубеждения, но не его происхождение. Так, дети расистов демонстрируют, «высокую степень предубеждения против негров, даже в тех случаях, если они никогда в жизни негра не встречали» [там же, с.214]. На основе зарубежных экспериментальных исследований, И.С. Кон приходит к выводу, что личный опыт не может быть причиной предубежденности, в данном случае первичен уже сложившийся стереотип. Восприятие других людей обусловлено уже имеющимися установками, поэтому человек может одни вещи замечать, а другие не замечать.

И.С. Кон рассматривает стереотипы, связанные с евреями, приводя данные, полученные социологами Сэнгером и Флауэрмэном. Они «отобрали несколько черт из обычного стереотипа, «объясняющего» плохое отношение к евреям, и стали опрашивать предубежденных людей, что они думают об этих чертах – корыстолюбии, материализме, агрессивности как таковых. Оказалось, что, когда речь идет о евреях, эти черты вызывают резко отрицательное отношение. Когда же речь идет не о евреях, те же самые черты оцениваются иначе» /там же, с. 215/. Таким образом, важными оказываются не отдельные свойства, которые приписываются какой-либо этнической группе, а генерализованная отрицательная установка по отношению к ней.

И.С. Кон обращает внимание на динамику представлений о тех или иных отрицательных чертах какого-либо этноса, которая не влияет на враждебное отношение к нему, поскольку, наблюдается некоторая сила инерции, константность, когда «объяснения враждебности могут меняться и даже противоречить одно другому, а враждебность, тем не менее, остается». Автор поясняет свою мысль на примере антисемитизма: «в средние века основным «аргументом» против евреев было то, что они распяли Христа, который сам был евреем, и, следовательно, речь идет не о национальной, а о религиозной вражде; многие верили, что евреи имеют хвосты, кроме того, они считались нечистыми в физическом смысле. Сегодня мало кто утверждает, что евреи нечистоплотны. Потеряла значение для большинства людей и религиозная рознь. А предубеждение осталось» [там же, с.216].

Следующий феномен, который рассматривает И.С. Кон в своей работе, связан с восприятием национального меньшинства как обладающего слишком высокой и поэтому опасной групповой сплоченностью, солидарностью. В действительности, полагает автор, малые этнические группы, особенно те, к которым относятся дискриминационно, демонстрируют более высокую степень сплоченности, чем большие нации. «Сама дискриминация служит фактором, способствующим такому сплочению. Предубеждение большинства создает у членов такой группы острое ощущение своей исключительности, своего отличия от остальных людей. И это, естественно, сближает их, заставляет больше держаться друг за друга. Ни с какими специфическими психическими или расовыми особенностями это не связано». Более того: «этнические предубеждения и любые формы дискриминации активно способствуют сохранению национальной обособленности и формированию крайних форм национализма у малых народов» [там же, с.217].

Автор критикует теорию, пытающуюся объяснить иррациональность этнических предубеждений особенностями индивидуальной психологии, неспособностью человека к рациональному осмыслению происходящих в его жизни событий (теория «козла отпущения», или теория фрустрации и агрессии). «На уровне отдельного индивида агрессия, как акт разрядки, освобождения от состояния на-

пряженности, раздражения, возникает тогда, когда какое либо стремление человека блокируется, не получает удовлетворения, причем объектом этой агрессии может быть практически любой объект, вовсе не связанный с источником самой напряженности. Чаще всего это кто-то слабый, не могущий постоять за себя. Такой же механизм, говорят нам, существует и в общественной психологии. Когда у народа, общества в целом возникают какие-то непреодолимые трудности, люди бессознательно ищут, на ком их выместить. Чаще всего таким козлом отпущения оказывается какая-то расовая или национальная группа. Недаром, как свидетельствует история, проблемы, связанные с национальными меньшинствами, особенно обостряются в периоды, когда общество переживает кризис» [там же, с. 218].

Теория вымещения была подтверждена специальными экспериментами. Миллер и Бугельский вывезли в летний лагерь группу подростков, среди которых было несколько японцев и мексиканцев. Затем были специально созданы трудности, которые вызывали состояние напряженности и фрустрации и, хотя японцы и мексиканцы не имели никакого отношения к этим трудностям, они явились объектом враждебности, на них вымещали свое раздражение.

По мнению И.С. Кона теория вымещения носит односторонний характер, поскольку фрустрация не всегда ведет к агрессии, она может также вызвать состояние подавленности, аутоагрессию, побудить к преодолению трудностей. Кроме того, эта теория не объясняет, почему в качестве объекта агрессии, выступает один человек (или группа), а не другой, в то же время эксперимент показывает, что в конфликтной ситуации актуализируется ранее сформировавшаяся враждебная установка, что и вызывает неприязненные межнациональные отношения. Так, исследования Д. Уизерли показали, что «люди выбирают в качестве козла отпущения не первый попавшийся объект, а тех, к кому они и раньше были настроены наиболее враждебно. Следовательно, механизм вымещения объясняет лишь некоторые стороны действия предубеждения, но не его происхождение» [там же, с.218].

Далее автор рассматривает теорию, объясняющую возникновение враждебности, в основе которой лежит постулируемый психоанализом механизм проекции, когда индивид, противоречащие его моральным установкам и сознанию свои собственные стремления бессознательно приписывает другим, проецирует. Американские социологи и психоаналитики (Беттельхейм, Яновиц, Петтигру и другие) использовали этот механизм для объяснения этнических предубеждений. Они констатируют, что «враждебные этнические стереотипы в США распадаются на две группы. Один стереотип включает такие черты, как хитрость, честолюбие, корыстолюбие, агрессивность, групповой дух. Другой стереотип подчеркивает такие качества, как суеверие, лень, беззаботность, невежество, нечистоплотность, безответственность и сексуальную невоздержанность. В первом случае символизируются те качества, которые присущи сознательному Я американца, но осуждаются его моральным сознанием. Во втором случае символизируются его бессознательные стремления, его Оно. Проецируя одни свои грехи на еврея, другие – на негра, «чистокровный» американец обретает желанное душевное равновесие» [там же, с.219-220]. По мнению И.С. Кона, обе теории (и вымещения и проекции) не раскрывают социальную природу этнического стереотипа и реальных взаимоотношений этнических групп. Следуя логике этих теорий предубеждение «внеисторично», обусловлено неустранимым конфликтом сознания и бессознательного, и изменить это невозможно.

Автор считает, что психологический подход оказывается несостоятельным и в теории «авторитарной личности» (1950) Т. Адорно, Н. Санфорда, Э. Френкель-Брунсвика и Д. Левинсона, которые исходили из того, что убеждения личности характеризуются цельностью и последовательностью и являются выражением глубинных черт личности. Исследователей интересовали психологические корни фашизма. («В центре внимания был потенциально фашистский индивид, тот, кто в силу психологических особенностей своей личности наиболее восприимчив к антидемократической пропаганде. Поскольку фашизм всегда характеризуется

крайним шовинизмом, одним из главных показателей авторитарности стала степень этнической предубежденности» [там же, с.219-220]).

Свое исследование авторы начали с антисемитизма. В ходе организованного ими опроса каждый респондент должен был выразить степень своего или несогласия с антисемитскими высказываниями (от плюс 3 – полностью согласен, до минус 3 – решительно не согласен). Обработка данных позволила прийти к выводу, что антисемитизм это не совокупность случайных и разрозненных стереотипов, а последовательная установка. Далее исследовалась связь антисемитизма с национализмом (по «шкале этноцентризма» определялось отношение к неграм, и другим нацменьшинствам). Результаты показали, что «антисемитизм – не изолированное явление, а часть более общей националистической психологии. Люди, предубежденные против одной этнической группы, обнаруживают тенденцию враждебности и к остальным «чужакам», хотя и в разной степени». Подобным же образом определялись антидемократические склонности (согласие или несогласие с политическими утверждениями /«шкала фашизма»/), испытуемым предлагали высказать согласие или несогласие с определенными политическими высказываниями. Оказалось, что высокая степень этноцентризма во многих случаях сочетается с антидемократизмом. Наконец, группа из восьмидесяти человек (45 с максимальными и 35 с минимальными показателями коэффициента антисемитизма) прошли специальное интервью, задачей которого было выявить их особые личные черты, профессиональные стремления, отношение к труду, религии, семейные условия, отношения между родителями и детьми, сексуальное поведение, образовательные интересы и т.д.

Исследование продемонстрировало, что эти две группы существенно отличались друг от друга, как личностными особенностями, так и детскими переживаниями, которые, согласно Фрейду, оказывают решающее влияние на формирование личности. «Наиболее предубежденные индивиды, как показал Адорно, обычно обнаруживают высокую степень конформизма по отношению к социальным нормам и властям и одновременно подавленную враждебность к ним; подавлен-

ную и неосознаваемую враждебность к родителям: они – сторонники суровых наказаний, преклонения перед могуществом и силой; не уверены в своем социальном положении и престиже; им свойственны скованность и догматизм мышления; недоверие к другим людям, подавленная сексуальность; они склонны рассматривать мир как злой и опасный. Эти проявления получили обобщенное название «авторитарной личности», или «авторитарного синдрома» [там же, с.222].

Таким образом, подытоживает И.С. Кон, этническая предубежденность, расизм предстают следствием проявлений глубинных черт личности, сформировавшихся в раннем детстве. По мнению автора, несмотря на то, что Адорно и его сотрудники подметили ряд существенных моментов (показали, что такое этническое предубеждение как антисемитизм не является изолированным, а связано с общей враждебной установкой к национальным меньшинствам и с антидемократическим стилем мышления; продемонстрировали связь этнической предубежденности с догматизмом; предположили, что враждебность к национальным меньшинствам может быть обусловлена с внутренним невротизмом человека, и его внешней проекцией) теория авторитарной личности в целом выглядит научно несостоятельной, поскольку «источки национальных предубеждений переносятся здесь из мира общественных отношений в субъективный мир личности, становятся симптомом некоей психологической неполноценности». Согласно Т. Адорно, замечает И.С. Кон, расист это невротик или психопат, что возможно, но вовсе не обязательно, но чтобы враждебность выражалась по отношению определенных национальностей, в обществе уже должен быть сформирован соответствующий стереотип. Иными словами важна структура общественного сознания и история общества.

Переходя к исследованию происхождения этнических предубеждений, И.С. Кон подчеркивает их общественную природу, зависимость от практики общения и природы общественных отношений. Автор рассматривает их появление в филогенетическом аспекте. Так, в первобытном обществе общение между людьми было ограничено рамками племени, рода. При этом люди из других племен воспринимались как враги. Только с расширением межплеменных связей, люди через

сравнение («через сопоставление и противопоставление ее другим») смогли осознать особенности своей этнической группы. И далее, И.С. Кон делает важное, на наш взгляд, замечание, относительно корней этноцентризма: «Этноцентризм как чувство принадлежности к определенной человеческой группе с самого начала содержал в себе сознание превосходства своей группы над остальными. Идея превосходства своих обычаев, нравов, богов над чужими красной нитью проходит через любой народный эпос, сказания, легенды» [там же, с.224].

Стереотипы складывались во взаимоотношениях групп людей друг с другом. Там, где они были хорошими (преобладала кооперация) – возникал положительный стереотип, установка, терпимое отношение к различиям. Если группы были «далеки» друг от друга – могло возникнуть, лишь любопытство, без враждебности, но и без симпатии. Там, где отношения были конфликтными, конкурентными, там и стереотип был враждебным. При этом отмечает автор: «Если поработанная и пассивная группа наделяется чертами наивности, интеллектуальной неполноценности и моральной безответственности, то стереотип группы-конкурента наделяется такими качествами, как агрессивность, безжалостность, эгоизм, жестокость, хитрость, лицемерие, бесчеловечность, алчность. Ей не отказывают в умственных способностях, наоборот, эти способности часто преувеличивают – страх перед конкурентом побуждает переоценивать его опасность, – но говорят, что они «плохо направлены» [там же, с.226].

В качестве примера формирования негативного враждебного стереотипа И.С. Кон рассматривает антисемитский стереотип. Он полагает, что враждебный стереотип, прежде всего, проявляется по отношению к конкурентоспособным группам, ярким примером которых и является еврейский этнос. Формирование стереотипа он связывает с историческим процессом развития товарно-денежных отношений. При этом в сознании людей такие понятия как «задолженность» и «разорение» ассоциировались с «образом еврея-ростовщика или еврея-торговца, который становился, таким образом, символом всяческих неприятностей». Все это продолжалось столетиями и способствовало относительной изоляции евреев от

окружающего населения. («Как писал академик А.И. Тюменев, «неприязнь по отношению к чужеземцам обуславливалась, прежде всего, опасением возможной с их стороны конкуренции на поприще торговой и ремесленной деятельности, и естественно, что вытекавшее из подобных оснований неприязненное чувство должно было быть особенно сильным именно в отношении евреев, поколениями развивавших в себе склонности к разного рода специально городским профессиям. Это же самое обстоятельство, отдалявшее евреев от массы остального городского населения, в то же время немало способствовало их взаимному сближению и единению между собою... Чужие среди чужих, ненавидимые и в лучшем случае только терпимые евреи диаспоры, естественно, держались особняком и с течением времени все более и более замыкались в своей среде» [там же, с.227]). Автор приводит и другую обширную цитату, касающуюся конкурентных отношений между евреями и другими этническими группами в эпоху капитализма. «Эту сторону дела отлично объяснял М.И. Калинин: «Всякая интеллигентская еврейская семья, с большим трудом выбившаяся из черты оседлости, вполне естественно делается более способной к борьбе за существование, чем окружающие русские интеллигентские семьи, получившие свое право не с бою, а как бы по праву первородства. То же самое относится и к купцам. Прежде чем еврей вышел на широкую дорогу капиталистической эксплуатации, он должен был пройти суровую школу в борьбе за существование. Из запертых в черте оседлости, где тысячи мелких торгашей, ремесленников и кустарей борются друг с другом на торговой арене, перехватывая покупателя и продавца из деревни, мог выскочить лишь такой еврей, который особенно проявил свои способности к наживе и к использованию честным или нечестным путем окружающих условий. Конечно, когда такой еврей получал право купца первой гильдии... ясно, что такой еврей на целую голову стоял выше аналогичных русских купцов, не прошедших столь тяжелой предварительной школы. Поэтому как интеллигенции, так и торговцам, да и вообще буржуазии крупной и мелкой всех других национальностей евреи казались страшно опасными конкурентами» [там же, с.227-228]. И.С. Кон проводит интересные параллели,

замечая, что отношение к евреям в Европе и Америке, в иных частях света очень похоже на отношение к другим конкурентоспособным в торговле этносам таким, как армяне и китайцы и приходит к выводу, что: «этнический стереотип – не обобщение действительных черт той или иной нации, а продукт и симптом соответствующей социальной ситуации» [там же].

Несмотря на то, что этнические предубеждения, являются абсурдными, иррациональными (отсюда поиски патологии), они «органически входят в состав культуры классового общества, как и все прочие его нормы», при этом «большинство людей усваивает предубеждения в детстве, до того, как получает возможность критически осмыслить получаемую информацию». Дошкольники и даже младшие школьники еще не имеют предубеждений, а лишь эмоциональные предпочтения, но в возрасте девяти лет и старше они преобразуются в стереотипы.

По мнению автора, стереотип могут разрушить только изменения в общественном сознании, которые происходят очень медленно. И.С. Кон пишет о том негативном влиянии, которое оказывают этнические предубеждения, как на их носителей, так и на их жертв. Во-первых, они ограничивают сферу межэтнического общения, вызывают настороженность, препятствуют установлению более близких отношений, затрудняют контакты. Во-вторых, нарушается восприятие другого человека: его индивидуальные качества заслоняются общим и заведомо односторонним стереотипом. В-третьих, у тех людей, против которых направлен враждебный стереотип, вырабатывается ответный, столь же искаженный и враждебный и иррациональный стереотип большинства. («Для националистически настроенного еврея все человечество делится на евреев и антисемитов плюс некоторая «промежуточная» группа»). В-четвертых, дискриминация оказывает негативное влияние на психическое состояние и личные качества того меньшинства, которое ей подвергается, что часто приводит к невротическим реакциям, раздражительность, агрессивность, Кроме того, отмечает автор, дискриминируемое меньшинство усваивает в целом ту систему этнических предубеждений, которая есть у большинства в отношении других меньшинств. («Так, американский еврей может

быть противником гражданского равноправия негров, а негр – принимать за чистую монету утверждения антисемитской пропаганды» [там же, с. 233]).

Автор считает, что большое значение для преодоления враждебных установок имеют непосредственные личные контакты представителей разных этносов. В то же время, согласно исследованиям Г. Оллпорта, такого рода контакты могут ослабить предубеждение только в тех случаях, когда «обе группы обладают равным статусом, стремятся к общим целям, положительно сотрудничают и взаимозависят друг от друга и если, наконец, их взаимодействие пользуется активной поддержкой властей, законов или обычая. Если таких условий нет, контакты не дают положительных результатов, а то даже и усиливают старые предрассудки» [там же, с.234]. Таким образом, оказывается, что личные контакты не столь эффективное средство решения проблемы.

Анализ работы И.С. Кона показал, что в середине 20 века проблема предрассудков не рассматривалась как существующая в нашей стране. Никаких примеров, или данных, основанных на положении дел в СССР, автором не приводится. Да это и понятно. Даже если исследования такого рода проводились – они были засекреченными и не могли попасть в открытую печать. В то же время аналитическая, по своей сути работа И.С. Кона, познакомившая широкого читателя с достижениями западной этнопсихологии, явилась ценным «прорывом к теме».

5.2 Исследование Р. Бенедикт культурных доминант и психологических различий между культурами

Р. Бенедикт (1887-1948), ученица Ф. Боаса, выдающийся культурантрополог, автор книги «Модели культуры» (*Patterns of culture*), вышедшей в 1934. Эта книга стала классической в области психологической антропологии. С.В. Лурье отмечает, что Р. Бенедикт хотела уйти от простого описания поведения индивида как продукта своей культуры и показать, что «каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые все объединены одной культурной темой (которую Р. Бенедикт называла «этосом культуры»), определяющей не только каким образом элементы культуры соотносятся друг с другом,

но и их содержание» [3, с.58]. Что не соответствует этосу – не находит себе места в данной культуре, не развивается в ней. Иными словами, то, что получило развитие в одной культуре не получает возможности развиваться в другой. То, что кажется нам важным с точки зрения нашей культуры, оказывается малозначимым с точки зрения другой. «Каждое человеческое общество, – писала Р. Бенедикт, – когда-то совершило такой отбор своих культурных установлений. Каждая культура с точки зрения других игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой – они основа каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба даже в жизненно важных сферах, в другом столь же «примитивном», технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную суперкультуру юности, другое – смерти, третье – загробной жизни» [3, с.59].

Поскольку каждая из культур это результат уникального исторического процесса, то говорить о степени их развитости не имеет смысла, так как их невозможно сравнивать (позиция, выражающая, по мнению С.В. Лурье, крайнюю степень культурного релятивизма).

В своем знаменитом исследовании, посвященном психологическим типам в культурах Юго-Запада США, Рут Бенедикт попыталась выделить те важнейшие особенности изучаемых ею культур, которые позволяли бы говорить о «культурной доминанте». Изучая культуру индейцев пуэбло, Р. Бенедикт обнаружила, что она сильно отличается от культуры соседних с ними народов. По ее мнению «в их культуре проявляется некая психологическая черта, существенно отличающая их от народов других регионов». Несмотря на то, что ритуал занимает важное место в жизни индейцев к какому бы племени они не принадлежали, у индейцев пуэбло «сам ритуализм носит принципиально иной характер и без осознания этой особой базовой психологической установки индейцев пуэбло все наши попытки понять культурную историю этого региона будут тщетны» [1, с.271].

Развивая эту мысль, Р. Бенедикт утверждает, что в культуре пуэбло существуют два психологических типа, которые она вслед за Ницше (эти мысли были высказаны в его работе «Происхождение трагедии из духа музыки») называет дионисийским и аполлоническим. Эти два типа характеризуются противоположным отношением к ценностям бытия. Согласно Ницше для дионисийца важны моменты выхода за пределы повседневного бытия, обыденности. Человек такого типа ищет трансовых ощущений, необычного психологического состояния, «ценит прозрение, возникающее в неистовстве». Человек аполлонического типа «всегда придерживается срединного пути, остается в пределах известного, сохраняет контроль над деструктивным психологическим состоянием» [там же].

По мнению Р. Бенедикт, пуэбло Юго-Запада относятся к аполлоническому типу, чем и отличаются от других, дионисийских культур, в центре которых они находятся. Р. Бенедикт подробно перечисляет те особенности их ритуалов, культурных ценностей, согласно которым их можно отнести к данному типу: в отличие от соседних племен у них нет оргий, стремления к экстазу, пыток, смертной казни за покушение на собственность, они не производят и не покупают алкоголь и не употребляют наркотики, не позволяют нарушать принятый порядок.

Рассматривая культуру других, окружающих пуэбло племен, автор отмечает, что если пуэбло характеризуются неприятием мистического неистовства и транса, то у других племен «экстатический религиозный опыт служит краеугольным камнем религиозной структуры. Состояние экстаза можно достичь при помощи алкоголя или наркотиков – иногда его достигают самоистязанием или длительным постом, а некоторые доходят до такого состояния во время танца» [там же, с.273]. Автор анализирует различные практики достижения измененных состояний сознания у индейцев других племен, подтверждая свою мысль об их дионисийском типе. Здесь и стремление к опьянению (как алкогольному, так и наркотическому), достижение транса, поиски сверхъестественных ощущений. Так, во время инициации мальчиков в одном из племен, после употребления дурманящего настоя несколько из них умерли, а у других племен они находятся несколько

дней в коматозном состоянии, с видениями. Р. Бенедикт отмечает, что у пуэбло отсутствует практика использования алкоголя и наркотических средств для достижения состояния транса или беспамятства, даже если эти средства им хорошо известны. По ее мнению, это нельзя объяснить ни культурной изоляцией, ни наличием каких-либо непреодолимых барьеров, тем более что они живут бок обок с другими племенами очень долго. Автор считает, что для пуэбло характерна аполлоническая трезвость, пьянство чуждо их духу.

Тщательный анализ ритуалов племени пуэбло, который провела Р. Бенедикт, показал, что ему несвойственен культ самоэкзальтации (достигаемой уединением, постом, самоистязанием с тем, чтобы получить видения, потусторонний опыт), что практикуется повсеместно в других племенах. Что касается поста, то для них он не средство достижения потусторонних видений, он необходим для очищения, ритуалов, связанных с уединением, танцами состязаниями, но не рассматривается в дионисийской интерпретации (как источник духовных сил). Исключены у пуэбло и истязания и экстаз во время танцев. Несмотря на то, что танцы широко распространены у пуэбло, «им совершенно чужда практика использования танца для получения сверхъестественных ощущений. Танцы пуэбло не имеют ничего общего с неистовством медвежьего танца у нутка, с танцем людоедов у индейцев квакиутль, с танцем призраков или с мексиканским вихревым танцем. Танцы пуэбло сопровождаются монотонными повторяющимися движениями, и всегда, осмелюсь вновь процитировать Ницше, они остаются самими собой и помнят свое гражданское имя» [там же, с.277]. То же самое относится и к оргиям, которые у многих народов ассоциируются с культом плодородия, сексом, траурными церемониями. Для пуэбло они чужды.

Еще одной важной специфической аполлонической чертой культуры Юго-Запада, по мнению Р. Бенедикт, является неприятие самоубийства. Она приводит сказания различных племен, в которых происходят самоубийства. (В сказаниях племени пима мужчины убивают себя ради женщин, у индейцев прерий идеи самоубийства входят в некоторые церемонии). «У пуэбло же на этот счет сущест-

вуют лишь самые нелепые истории, доказывающие очевидное непонимание ими идеи суицида. Я неоднократно пыталась втолковать идею самоубийства разным представителям племени пуэбло, объясняла ее сама и приводила разные примеры. Но они не понимали, что я имела в виду» [там же, с.283].

По мнению Р. Бенедикт, ту культурную ситуацию, которая сложилась на Юго-Западе трудно объяснить, поскольку нет каких-либо барьеров между ней и другими культурами. Все попытки автора проанализировать влияние других культур привели лишь к обнаружению множества деталей, фрагментов, но открыть секрет этой модели ей так и не удалось. Ключ, считает Р. Бенедикт, «следует искать в базовом психологическом типе, сформировавшемся в культуре этого региона на протяжении столетий, который переиначивает на свой лад заимствованные в соседних культурах элементы и для выражения своих собственных ценностей создает уникальную культурную модель» [там же].

Кроме вышеназванных, Р. Бенедикт /4/ описала такую культуру, которую она назвала «параноидальной» (культура племени Доубу /Dobu/). В этом племени все живут в атмосфере подозрительности, бесконечно конфликтуя друг с другом, а детей приучают к тому, что выигрыш другого – означает твой проигрыш. Доубу жили в южной части побережья Новой Гвинеи недалеко от того места, где находились, описанные Б. Малиновским, тробрианцы. Но если жизнь тробрианцев легка и беззаботна, поскольку почва их земли плодородна, а лагуны полны рыбы, то этого не скажешь о жизни доубу. Они, как сообщает Р. Бенедикт, люди, живущие в другой, менее благоприятной среде, и обладающие другим темпераментом. У них репутация опасных людей. «О них говорят, что они колдуны, обладающие дьявольской силой и воины, которые не остановятся ни перед каким вероломством (warriors who halt at no treachery). Пару поколений назад до вмешательства в их жизнь белых людей они были каннибалами, и это в том районе, где многие народы не едят человеческую плоть. Их боятся и им не доверяют дикари окружающих островов. Доубу в полной мере заслуживают характеристики, данной им соседями. Они не подчиняются закону, вероломны и у них каждый против каждого»

[там же, с.120]. Для доубу характерна сильная вера в магию. Все мужчины или женщины в деревне владеют несколькими (от одного до пяти), передающимися из поколения в поколение, заклинаниями, с помощью которых они могут насыпать болезнь на другого человека. Они же могут и снимать свои чары. «Некоторые люди обладают монополией на определенные болезни и, следовательно, являются единственными обладателями силы вызывать их и силы лечить их. Поэтому те, у кого слоновая болезнь или золотуха, знают, чьих это рук дело. Заклинания делают их владельца могущественным, и обладать ими чрезвычайно жаждут. Заклятья дают их обладателю возможность наиболее открыто выражать позволительную в этой культуре зловредность. Обычно такое выражение является табу. Доубуанец не рискует сделать публичный вызов, когда он хочет навредить какому-нибудь человеку. Он подобострастен и усиленно демонстрирует дружбу. Он верит, что колдовство делается сильнее посредством близких отношений, и он ждет возможности для вероломного предательства» [там же, с.137]. В другом месте, описывая, что собой представляют заклатья и то, как они осуществляются, Р. Бенедикт подчеркивает следующую их важнейшую особенность: «Заклинания замечательны своей злобностью и той степенью, в которой они воплощают веру доубу, что чья-либо выгода является потерей для другого» [там же, с. 134].

Характер отношений между людьми из этого племени (во всех аспектах их существования), отношений пропитанных зловредной магией, полных взаимных подозрений и ненависти часто раскрывается Р. Бенедикт через описание различных житейских ситуаций. Например, когда она повествует о тех моментах жизни доубуанца, которые связаны с болезнью, со сбором урожая, смертью одного из супругов и т.п. «Когда человек обнаруживает, что он жертва некой болезни, он посылает за человеком, который наслал на него болезнь. Другого способа избежать смерти нет. Болезнь может быть вылечена или облегчена соответствующим экзорцизмом, которым владеет этот же колдун. Обычно колдун, если его убедили изгнать болезнь, сам не приходит к страждущему. Он выдувает экзорцизм в сосуд с водой, который принесли ему родственники больного человека. Он запечатыва-

ется и страждущий оmyвается этой водой в своем доме» [там же, с.138-139]. Заклятья на определенную болезнь накладываются и на плодоносящие деревья, с тем, чтобы избежать воровства. Когда надо собирать урожай с дерева его хозяин снимает заклятье. Однако эта мера не столь эффективна, сообщает Р. Бенедикт, поскольку, есть подозрение, что какой-нибудь вор может попытаться устранить наговор на болезнь своим собственным, полученным по наследству колдовским заговором, «обезвредить» это дерево тем способом изгнания, который может не соответствовать обезвреживающему заклинанию хозяина дерева, а затем наложить свой собственный, вызывающий болезнь наговор на него. В результате хозяин вместе с фруктами может «собрать» и эту болезнь. Поскольку подозрительность доубу доходит до паранойи, то этот сценарий контр-наговора всегда ожидается, хотя в реальности страх подцепить болезнь столь велик, что преодолеть его человек может решиться только лишь в голодный год. Паранойя проявляется и в семейной жизни людей из племени доубу. Если все вокруг колдуют, то вполне понятно, что в случае смерти одного из супругов, виноват в этом, конечно же, другой супруг. Или муж воспользовался своим заклинанием, или жена использовала свое ведьмовское искусство, колдовство и т.п. Убийство может быть совершено как с помощью магии, так и без нее. Для этого подходит яд, который входит в колдовской арсенал и повсеместно используется. Поэтому, ни одна женщина не оставляет посуду, в которой готовят пищу, без присмотра, чтобы кто-нибудь не получил доступ к ней. Люди пользуются различными ядами, и если они докажут свою эффективность и вызовут смерть, они могут оказаться весьма полезными в серьезном конфликте. Р. Бенедикт приводит следующий характерный разговор. «Мой отец рассказал мне об этом? Это budobudo. Много его растет у моря. Я захотел испытать его. Мы извлекли сок из него. Я взял кокос, отпил из него, влил сок в оставшееся и закрыл его. На следующий день я дал это ребенку со словами: «Я пил это, ты можешь пить». К середине дня она заболела, а ночью – умерла. Она была дочерью сестры моего отца из деревни. Мой отец отравил ее мать с помощью budobudo, а я позже отравил сироту.

– А в чем была проблема?

– Она околдовала моего отца. Он почувствовал слабость, он убил ее. И его тело вновь стало сильным» [там же, с.153].

Р. Бенедикт постоянно подчеркивает, что доубу коварны и вероломны и это считается само собой разумеющимся. В обычном разговоре доубуанец учтив, обходителен и елейно вежлив, но за этим всегда может скрываться злой умысел. «Если мы хотим убить какого-то человека, мы сближаемся с ним, мы едим, пьем, спим, работаем и отдыхаем с ним. Это может длиться несколько месяцев. Мы ждем благоприятного случая. Мы называем его другом» [там же, с.157]. Когда же происходит убийство и начинают выяснять, кто убил, то подозрение падает на того, кто искал компании убитого. Если они были вместе без обычных на то причин, то считается доказанным, что он убийца. «За демонстрацией дружбы, за свидетельством сотрудничества в каждой жизненной сфере доубуанец верит – ему следует ожидать вероломства. Все лучшие старания других людей, согласно их правилам и установлениям направлены на то, чтобы помешать и разрушить его планы» [там же, с.157-158]. Р. Бенедикт не морализирует, в ее анализе нет никакого осуждения или неодобрения, она просто показывает, что человеческое общество может быть устроено и таким образом. «Жизнь среди доубу поощряет крайние формы зловредности, которые большинство обществ минимизировали своими установлениями. Установления доубу наоборот восхваляют их в самой высокой степени. Доубуанец выживает без подавления самых кошмарных проявлений недоброй воли человечества и, согласно его взгляду на жизнь, добродетель состоит в выборе жертвы, в отношении к которой он может дать выход зловредности, которую он связывает одинаково с человеческим обществом и с силами природы. Все существование выглядит для него смертельной борьбой, в которой беспощадные антагонисты роют друг другу ямы в борьбе за жизненные блага. Подозрительность и жестокость являются его надежным оружием в борьбе и он никого не щадит и не просит пощады от кого-либо» [там же, с.159].

Оценивая вклад Р. Бенедикт в антропологию, С.В Лурье [3] пишет, что он состоит в идее о существовании некоего «внутрикультурного интегратора». В настоящее время, замечает автор, «концепция этоса культуры» применяется в ограниченных рамках, поскольку этос культуры (центральная тема культуры) в современной антропологии не выступает в качестве такого внутрикультурного интегратора.

Вопросы для самоконтроля к Модулю 5

1. Как И.С. Кон определяет понятие «стереотип»?
2. Каковы функции стереотипа? Какими свойствами, характеристиками он обладает?
3. В чем корни этноцентризма, по мнению И.С. Кона?
4. Опишите ход исследования психологических корней фашизма, что оно показало?
5. В чем, по мнению И.С. Кона, слабость теории «авторитарной личности»?
6. Как бы вы определили, что такое предубеждение?
7. Перечислите, в чем выражается негативное влияние этнических предубеждений?
8. В чем сущность теории вымещения?
9. Чем объясняется выбор еврейского народа в качестве объекта враждебных установок и предубеждений?
10. Какие факторы помогают смягчить и преодолеть враждебные установки?
11. Какие типы культур выделила в своих исследованиях Р.Бенедикт?
12. Чем характеризуется каждый из выделенных ею типов?
13. Как Р. Бенедикт объясняет отличия между исследуемыми ею культурами индейцев Юго-Запада?
14. Какие представления лежат в основе взаимоотношений доубуанцев?
15. Как ведут себя люди в культуре доубу по отношению друг к другу с точки зрения наблюдателя? Проявляют ли они враждебность открыто или находят для ее выражения другие способы?

16. Как часто используется магия, заклинания и т.п. доубуанцами, для чего она служит?
17. Что дает использование ядов в культуре доубу, цель их применения?
18. Осуждает ли Р. Бенедикт нравы доубуанцев, дает ли им негативную оценку?

Литература к Модулю 5

1. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США [Текст]: Антология исследований культуры, Т.1, Интерпретация культуры /Р. Бенедикт. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 271-284.
2. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений) [Текст]: Социологическая психология: Избранные психологические труды /И.С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – С. 206-238.
3. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы [Текст]: уч. пос. для вузов /С.В. Лурье. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 53-124.
4. Benedict Ruth Patterns of culture. Published by The new American library (Mentor Book), 1950. – 272 p.

Задания для самостоятельной работы

Задание 1

Попытайтесь создать опросник (15-20 вопросов), направленный на определение степени этнической толерантности. Проведите с помощью Вашего опросника исследование ваших друзей и знакомых. Опишите полученные результаты.

Задание 2

Проведите исследование этностереотипов представителей тех народов, о которых писал И. Кант с помощью соответствующей современной методики. Сравните этностереотипы И. Канта с полученными вами данными. В какой степени то, что он утверждал, сохранилось в восприятии современного человека? Есть ли изменения

и если есть, то в чем?

Задание 3

Составьте таблицу всех тех факторов, влияющих на психологические особенности, характер народов, которые выделил в своей работе, рассматриваемой в данном пособии, И. Гердер. Какие из факторов, по вашему мнению, были наиболее важными при формировании психологического склада этноса, к которому вы себя относите?

Задание 4

Проведите в интернет пространстве поиск информации о так называемых «казаках-некрасовцах», определите, примером какого исхода межэтнического взаимодействия, может служить их история.

Задание 5

Попытайтесь выделить главные свойства своего национального характера того этноса, к которому вы принадлежите. В какой степени ваши выводы совпадают с мнением ваших друзей и знакомых. Дополните портрет, используя другие, часто встречающиеся характеристики, которые можно было бы отнести к когнитивной, эмоциональной, поведенческой составляющей этностереотипа.

Задание 6

На основе бесед с представителями разных культур составьте список тех элементов невербального поведения, которые они используют, когда хотят выразить то или иное отношение. Сопоставьте результаты с особенностями выражения тех же отношений в своей собственной или других культурах. Укажите «точки расхождения» и возможные последствия неправильной интерпретации инокультурных невербальных паттернов.

Задание 7

Составьте «психологический портрет» типичного представителя какой-либо этнической общности, используя психологическую, художественную, этнографическую литературу.

Задание 8

На основе представленных в данном пособии работ Р.Бенедикт составьте психологические портреты представителей описанных ею этносов,. Выделите те культурные универсалии, на которых она строит свой сравнительно-культурный анализ.

Задание 9

Попытайтесь проанализировать кризис, разразившийся в Украине в 2014 году, с точки зрения этнопсихологической проблематики (языковые проблемы, проблемы этнической консолидации, территориального деления и т.п.).

Задание 10

На основе работы И.С. Кона «Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений)» проанализируйте антисемитские стереотипы. Выделите в них когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие, представьте полученное в табличной форме.

Задание 11

Создайте 5-7 ситуаций для «культурного ассимилятора», предназначенного для гостя из «ближнего зарубежья», впервые прибывающего в нашу страну.

Задание 12

На основе интервью с представителями своей культуры (этноса) составьте перечень претензий к приезжающим «гостям из ближнего зарубежья», попытайтесь проанализировать их с точки зрения существующих стереотипов и предубеждений.

Задание 13

Расспросите человека, приехавшего не так давно в нашу страну, о тех представлениях, стереотипах, предубеждениях относительно характера россиян, наших культурных особенностей и т.п., которые сформировались у него еще до приезда. Выясните источники формирования данных стереотипов или предубеждений. Опишите ситуации, события, которые привели к их изменению.

Задание 14

Составьте на основе беседы с иностранцем, проживающим в России (или

нашим соотечественником, прожившим продолжительное время за границей), список тех проблем, которые возникли при вхождении в нашу культуру. Какими неприятными переживаниями (характеризующими такое явление, как культурный шок), сопровождалось их осознание? Опишите, как решались эти проблемы, что помогло в их решении.

Задание 15

Подберите наиболее характерные пословицы, поговорки какого-нибудь из народов, которые, на ваш взгляд, можно было бы использовать при составлении психологического портрета его типичного представителя.

Задание 16

Попытайтесь описать предубеждения, предрассудки, враждебные установки по отношению к представителям других этнических групп, с которыми сталкивались вы или ваши знакомые. Приходилось ли вам испытать на себе такое же отношение со стороны представителей других этнических групп, опишите ситуации, ваши чувства.

Задание 17

Проанализируйте и опишите ваше собственное отношение к представителям других этносов. Какие особенности их поведения вызывают у вас наибольшее неприятие? Что вам кажется неправильным, странным, нелепым в обычаях других народов, этносов, стран, культур? Как это соотносится с представлениями о проявлениях этноцентризма, описанных в учебниках по этнопсихологии?

Задание 18

Выберите какую-нибудь этническую группу. Попытайтесь описать типичные, как вам кажется, особенности ее представителей по трем параметрам: когнитивному, поведенческому, эмоциональному, используя, составленные вами незаконченные предложения. (К примеру: «По характеру они...Главное в них...Больше всего они любят...Им не нравится, когда...Общаться с ними...В быту они...Работники они...К представителям моего этноса они относятся...» и т.п.) Проведите с помощью такого типа незаконченных предложений опрос ваших

друзей, знакомых, предложив им охарактеризовать представителей того же этноса. Сравните полученные вами данные. В какой степени ваши стереотипы совпадают, согласуются друг с другом.

Темы рефератов

1. Зарождение этнопсихологии как самостоятельной науки

- 1) Ранние этнопсихологические идеи, касающиеся природы психологических особенностей народов
- 2) Психология народов М. Лацаруса и Х. Штейнтала
- 3) Вклад В.Вундта в развитие психологии народов
- 4) Г. Лебон о психологии народов

Литература:

1. Баронин А.С. Этническая психология [Текст]: /А.С. Баронин. – Киев, «Тандем», 2000. – С. 231-234.
2. Вундт В. Проблемы психологии народов [Текст]: СПб «Питер». – С.11-49.
3. Лебон Г. Психология народов и масс [Текст]: /Г. Лебон. – СПб.: Изд-во Академический проект, 2014. – 239 с.
4. Платонов Ю.П. Этническая психология [Текст]: /Ю.П. Платонов. – СПб.: Речь, 2014. – 240 с.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.

2. Первые этнопсихологические исследования и теоретические подходы к созданию этнопсихологии в России в XIX веке

- 1) Деятельность Русского географического общества по проведению первого этнопсихологического исследования в середине 40-х годов XIX в.
- 2) Дискуссия между И.М. Сеченовым и Д.К. Кавелиным о возможностях изучения психики по продуктам духовной культуры
- 3) А.А. Потебня о роли языка в жизни народа. Взгляды Н.Г.Чернышевского на проблему национального характера и психологии

Литература:

1. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке [Текст]: /Е.А. Будилова. – М.: Наука, 1983. – С. 112-148.
2. Платонов Ю.П. Этническая психология [Текст]: СПб.: Речь, 2014. – 240 с.
3. Сеченов И.М. Замечания на книгу г. Кавелина: «Задачи психологии» [Текст]: Избранные философские и психологические произведения /И.М. Сеченов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – С. 197-209.
4. Сеченов И.М. Несколько слов в ответ на «письма г. Кавелина» [Текст]: Избранные философские и психологические произведения/ И.М. Сеченов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – С. 219-221.
5. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию [Текст]: Избранные философские и психологические произведения /И.М. Сеченов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – С. 222-308.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.

3. Проект создания этнической психологии Г.Г. Шпета, основные понятия его концепции

- 1) Предложения Г.Г. Шпета по созданию этнической психологии в России
- 2) Работа Г.Г.Шпета «Введение в этническую психологию», ее задачи
- 3) Основные понятия концепции Г.Г. Шпета: «коллективные переживания», «отношения к продуктам культуры», «тип»
- 4) Оценка вклада Г.Г. Шпета в развитие этнопсихологии

Литература:

1. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке [Текст]: М.: Изд-во «Наука», 1973. – С. 112-148.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 352 с.
3. Шпет Г.Г. Психология социального бытия [Текст]:/Г.Г. Шпет. – М.: изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК» 1996. – С.261-373.

4. Теория «Культура и Личность», проблемы, методы, достижения

1) Ф.Боас как основатель школы «Культура и Личность», диффузионизм против эволюционизма

2) Предмет, задачи, методы культурной антропологии

2) Теоретические построения и результаты конкретных исследований Р. Бенедикт. Понятие «конфигурация культур»

Литература:

1. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США [Текст]: Антология исследований культуры, Т.1. Интерпретация культуры /Р. Бенедикт. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 271-284.

2. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы [Текст]: уч. пос. для вузов /С.В. Лурье. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 53-124.

3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.

5. Исследование А.Р. Лурия в Узбекистане в 1931-32гг

1) Анализ А.Р. Лурия достижений и проблем этнопсихологии

2) Научные основы исследования, гипотезы

3) Исторический фон исследования

4) Ход исследования, методы исследования, результаты

Литература:

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов [Текст]:/ А.Р. Лурия. – М.: Наука, 1974. – 166 с.

6. Особенности межгруппового восприятия в ситуации межэтнического взаимодействия. Этноцентризм, стереотипизация, этностереотипы

1) Механизмы межэтнического восприятия

2) Этнические стереотипы, история изучения, основные функции

3) Свойства и компоненты этностереотипов

Литература:

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы [Текст]:/В.С. Агеев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – С. 135-152.
2. Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация [Текст]: /Т.А. Ван Дейк. – М.: Изд-во БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1986. – С. 161-190, 268-305.
3. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения [Текст]: Социальная психология. Хрестоматия /Т.Г. Стефаненко. – М., 1999. – С. 204-209.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум [Текст]: /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2013. – 224 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.

7. Этнические предрассудки и предубеждения

- 1) Этнические предрассудки, их происхождение и функции
- 2) Теоретические подходы и практические исследования этнических предрассудков

Литература:

1. Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация [Текст]: /Т.А. Ван Дейк. – М.: Изд-во БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1986. – С.161-190, 268–305.
2. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений) [Текст]: Социологическая психология: Избранные психологические труды /И.С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – С. 206-238.
3. Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия [Текст]: Минск, 1988.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.

8. Основные теории возникновения этнических конфликтов

1. Межгрупповые конфликты как продукт универсальных психологических характеристик (У. Мак-Дауголл, З. Фрейд, К. Лоренц)
2. Индивидуальные различия как основа межгрупповых конфликтов (Т. Адорно)
3. Теория реального конфликта (М. Шериф)

4. Теория социальной идентичности (А. Тэшфел)

Литература:

1. Андреева Г.М. Социальная психология [Текст]: учеб. для вузов /Г.М. Андреева. М.: Аспект-Пресс, 2014. – 363 с.
2. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) [Текст] /К. Лоренц// Вопросы философии. 1992, № 3. – С.5-39.
3. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества [Текст] /К. Лоренц // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С.39-54.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.
5. Сериков Г.В. Методические указания к спецкурсу «Этнопсихология» [Текст]: /Г.В. Сериков. – Ростов-на-Дону: УПЛ ЮФУ, 2007. – 24 с.

9. Проблема межэтнической напряженности и конфликтов

- 1) Понятие об этническом конфликте
- 2) Этническая напряженность этнические и конфликты. Возникновение, протекание
- 3) Модели, механизмы урегулирования межэтнических конфликтов

Литература:

1. Платонов Ю.П. Этническая психология [Текст]: /Ю.П. Платонов. – СПб, Речь, 2014. – 240 с.
2. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности [Текст]: уч. пособие /Л.Г. Почебут. – СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – 281 с.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности [Текст]: /Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.

10. Этнопсихологические исследования личностных черт. Понятие о «национальном характере», проблемы его исследования

- 1) Понятие о «национальном характере»
- 2) Проблемы исследования национального характера, методы и принципы изучения
- 3) Ранние и современные исследования национального характера
- 4) Изучение национального характера народов в западной науке

Литература:

1. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий [Текст]:/В.В. Кочетков. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 61-105, 344-384.
2. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию [Текст]:уч. пос. для вузов /Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
3. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы [Текст]: уч. пос. для вузов /С.В. Лурье. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С.125-153.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 352 с.
5. Эриксон Э. Детство и общество [Текст]: /Э. Эриксон. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996 – С. 502-558.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ БОЛЕЕ УГЛУБЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

- 1.Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы [Текст]:/В.С. Агеев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – С. 135-152.
- 2.Белик А.А. Культура и личность. Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии [Текст]:/А.А. Белик. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 378 с.

3. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США [Текст]: Антология исследований культуры, Т.1, Интерпретация культуры /Р. Бенедикт. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 271-284.
4. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке [Текст]: /Е.А. Будилова. – М.: Наука, 1983. – 230 с.
5. Вундт В. Проблемы психологии народов [Текст]:/В. Вундт. – СПб.: Питер, 2001. – 160 с.
6. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы [Текст]:/Л.Н. Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2002. – 578 с.
7. Кон И.С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива) [Текст]: /И.С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
8. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений) [Текст]: Социологическая психология: Избранные психологические труды /И.С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – С. 206-238.
9. Кон И.С. К проблеме национального характера [Текст]: Социологическая психология: Избранные психологические труды. /И.С. Кон. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – С. 238-258.
10. Коул М. Культурно-историческая психология [Текст]: /М. Коул. – М.: «Когито-Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 432 с.
11. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление [Текст]:/М. Коул, С. Скрибнер. – М.: Прогресс, 1977. – 262 с.
12. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию [Текст]: уч. пос. для вузов /Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
13. Лебон Г. Психология народов и масс [Текст]: /Г. Лебон. – СПб.: Изд-во Академический проект, 2014. – 239 с.
14. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление [Текст]: Хрестоматия по истории психологии /Л. Леви-Брюль. – М.: 1980. – С. 237-257.

15. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст]:/Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.
16. Леви-Строс К. Первобытное мышление [Текст]:/К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
15. Лосский Н.О. Характер русского народа [Текст]: Условия абсолютного добра /Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – С. 238-360.
18. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы [Текст]: уч. пос. для вузов /С.В. Лурье. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 624 с.
19. Мацумото Д. Психология и культура [Текст]:/Д. Мацумото. – СПб.: «прайм-Еврознак», 2002. – 410 с.
20. Мид М. Культура и мир детства [Текст]:/М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
21. Платонов Ю.П. Психология национального характера [Текст]: /Ю.П. Платонов. – М.: Академия, 2007. – 240 с.
22. Платонов Ю.П. Этническая психология [Текст]: /Ю.П. Платонов. – СПб, Речь, 2014. – 240 с.
23. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности [Текст]: учебн. пос., 2-е изд./Л.Г. Почебут. – СПб.: изд-во СПб-го унт-та, 2007. – 281 с.
24. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология [Текст]: уч. пособ./Л.Г. Почебут. – СПб.: Питер, 2012. – 336 с.
25. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности [Текст]: /Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
26. Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия [Текст]:/ Минск, 1988.
27. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения [Текст]: /И.М. Сеченов. – М.: Гос. изд-во полит. литературы. 1947. – С. 197-209.
28. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]: учеб. для вузов /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2014. –352 с.

29. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения [Текст]: Социальная психология. Хрестоматия /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 204-209.
30. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум [Текст]: /Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Пресс, 2013. – 224 с.
31. Хотинец В.Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии [Текст]: уч. пос. /В.Ю. Хотинец. – М.: изд-во Форум, 2012. – 88 с.
32. Цветков В.Л. Соловьева Этнопсихология. Учебное пособие в схемах [Текст]: /М.: Юнити-Дана, 2014. – 119 с.
33. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию [Текст]: /Г.Г. Шпет/ Психология социального бытия. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 261-372.
34. Эриксон Э. Детство и общество [Текст]: /Э. Эриксон. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

ГЛОССАРИЙ

АДАПТАЦИЯ – ПРОЦЕСС ПРИСПОСОБЛЕНИЯ КАКОЙ-ЛИБО ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ К НОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИРОДНОЙ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ДЛЯ ВЗАИМНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ.

АККУЛЬТУРАЦИЯ – ПРОЦЕСС ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР РАЗНЫХ ЭТНОСОВ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО ПРОИСХОДИТ ВОСПРИЯТИЕ ОДНОЙ КУЛЬТУРОЙ ЭЛЕМЕНТОВ ДРУГОЙ КУЛЬТУРЫ.

АССИМИЛЯЦИЯ – ЭТНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС РАСТВОРЕНИЯ РАНЕЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЭТНОСА (ИЛИ ЕГО ЧАСТИ) СРЕДИ ДРУГОГО, СОПРОВОЖДАЮЩИЙСЯ УТРАТОЙ СВОЕГО ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ, НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ.

АУТОСТЕРЕОТИПЫ – СТЕРЕОТИПЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СВОЕЙ (ВНУТРЕННЕЙ ГРУППЕ).

ВНУТРИГРУППОВОЙ ФАВОРИТИЗМ – ТЕНДЕНЦИЯ БЛАГОПРИЯТСТВОВАТЬ СВОЕЙ ГРУППЕ И ЕЕ ЧЛЕНАМ ПРИ СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ, СОПОСТАВИМЫМИ С НЕЙ ГРУППАМИ (ПРЕДПОЧТЕНИЕ СВОЕЙ ГРУППЫ).

ГЕНОЦИД – ТИП ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОЛНОЕ ИЛИ ЧАСТИЧНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ, РАСОВЫХ ИЛИ РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП.

ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ – СТЕРЕОТИПЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЧУЖОЙ (ВНЕШНЕЙ ГРУППЕ).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ – ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР РАЗНЫХ НАРОДОВ В МИРОВУЮ СИСТЕМУ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ ТРАНСПОРТА, ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МИРОВОГО РЫНКА И СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (ТЕРМИН ПОЯВИЛСЯ В КОНЦЕ 80-Х В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ СБЛИЖЕНИЯ НАЦИЙ И РАСШИРЕНИЕМ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ НАРОДАМИ), ИМЕЕТ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ (ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ КУЛЬТУР, СБЛИЖЕНИЕ НАРОДОВ) ТАК И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ (ПОТЕРЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ, КУЛЬТУРНОЕ РАСТВОРЕНИЕ – АССИМИЛЯЦИЯ).

ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИЯ – КРАЙНЯЯ СТЕПЬ ЭТНОЦЕНТРИЗМА, КОГДА ДРУГАЯ ГРУППА ОЦЕНИВАЕТСЯ НАСТОЛЬКО НЕГАТИВНО, ЧТО ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНИЧЕСКАЯ – САМООТЖДЕСТВЛЕНИЕ СЕБЯ С ОПРЕДЕЛЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДОЙ, ОСОЗНАНИЕ СВОЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

ИНИЦИАЦИИ – СИСТЕМА ОБРЯДОВ, СВЯЗАННЫХ С ПЕРЕВОДОМ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК В ВОЗРАСТНЫЕ КАТЕГОРИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ХАРАКТЕРНЫЙ ДЛЯ ПЕРВОБЫТНЫХ КУЛЬТУР ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ, ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА КОТОРОГО СОСТОЯЛА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ (В КАЧЕСТВЕ ПОЛНОПРАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПЛЕМЕНИ, РОДА ИЛИ МУЖСКОГО СОЮЗА).

КУЛЬТУРНАЯ ДИФФУЗИЯ – СТИХИЙНЫЙ ПРОЦЕСС ВЗАИМНОГО ПРОНИКНОВЕНИ КУЛЬТУРНЫХ ЧЕРТ И ЯВЛЕНИЙ ИЗ ОДНОГО ОБЩЕСТВА В ДРУГОЕ ПРИ ИХ КОНТАКТАХ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО ПРОИСХОДИТ ВЗАИМНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ КУЛЬТУР.

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ – СОВОКУПНОСТЬ НОРМ, ЦЕННОСТЕЙ ПРАВИЛ, ТРАДИЦИЙ ЛЮБОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, КОТОРЫЕ НОСЯТ ВСЕОБЩИЙ ХАРАКТЕР, ПРИСУТСТВУЮТ НА ВСЕХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА И НЕ ЗАВИСЯТ ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МЕСТА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКАЯ – ОДНОВРЕМЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА К ДВУМ ЭТНИЧЕСКИМ КУЛЬТУРАМ, ПОРОЖДАЮЩАЯ ДВОЙСТВЕННОЕ ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ, ДИСКОМФОРТ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ.

МЕНТАЛЬНОСТЬ – СИСТЕМА ОБРАЗОВ, КОТОРЫЕ ЛЕЖАТ В ОСНОВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ И О СВОЕМ МЕСТЕ В ЭТОМ МИРЕ И, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ОПРЕДЕЛЯЕТ ПОСТУПКИ И ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – ВЕТЬ ЭТНОПСИХОЛОГИИ, В ОСНОВЕ КОТОРОЙ ЛЕЖИТ «-ЕМИС» ПОДХОД, И ПРЕДМЕТОМ КОТОРОЙ ЯВЛЯЮТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ПЕРЕМЕННЫМИ, Т.Е. ВНУТРЕННИМ МИРОМ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ ПЕРЕМЕННЫМИ НА УРОВНЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП – УПРОЩЕННЫЙ СХЕМАТИЗИРОВАННЫЙ ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА, КОТОРЫЙ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНЬЮ СОГЛАСОВАННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.

СРАВНИТЕЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – ВЕТЬ ЭТНОПСИХОЛОГИИ, В ОСНОВЕ КОТОРОЙ ЛЕЖИТ «-ЕТИС» ПОДХОД, И ПРЕДМЕТОМ КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ИЗУЧЕНИЕ СХОДСТВА И

РАЗЛИЧИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕННЫХ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ И ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЯХ.

ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ – ПРОЦЕСС СЛИЯНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЭТНОСОВ ИЛИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, ОБЫЧНО РОДСТВЕННЫХ ПО КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКУ, В ЕДИНУЮ ЭТНИЧЕСКУЮ ОБЩНОСТЬ.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП – УПРОЩЕННЫЙ ОБРАЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ, НОСИТ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ХАРАКТЕР, ОБЛАДАЕТ, УСТОЙЧИВОСТЬЮ, СОГЛАСОВАННОСТЬЮ, ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ НЕТОЧНОСТЬЮ.

ЭТНОСЫ – ЭТО РЕАЛЬНО СУЩЕСТВУЮЩИЕ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИЕ ГРУППЫ, КОТОРЫЕ СЛОЖИЛИСЬ, ОБРАЗОВАЛИСЬ В ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, КОТОРЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ ДРУГ С ДРУГОМ И СУЩЕСТВОВАНИЕ КОТОРЫХ ОГРАНИЧЕННО ВРЕМЕННЫМИ РАМКАМИ.

ЭТНОС (ПО Т.Г. СТЕФАНЕНКО) – ГРУППА ЛЮДЕЙ, ОСОЗНАЮЩИХ СЕБЯ ЕЕ ЧЛЕНАМИ НА ОСНОВЕ ЛЮБЫХ ПРИЗНАКОВ, ВОСПРИНИМАЕМЫХ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЕ И УСТОЙЧИВЫЕ ЭТНОДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ – ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ВНУТРИ ГРУППОВОГО ФАВОРИТИЗМА, ПРЕДПОЧТЕНИЕ СВОЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ, ТЕНДЕНЦИЯ ОЦЕНИВАТЬ МИР С ПОМОЩЬЮ СОБСТВЕННЫХ «КУЛЬТУРНЫХ ФИЛЬТРОВ».

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ, КОТОРАЯ ОТНОСИТСЯ К ОСОЗНАНИЮ СВОЕЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ – ЭТО ЛЮБАЯ КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ ГРУППАМИ – ОТ РЕАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА ЗА ОБЛАДАНИЕ ОГРАНИЧЕННЫМИ РЕСУРСАМИ ДО ПРЕДПОЛАГАЕМОГО РАСХОЖДЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ – ВО ВСЕХ ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА В ВОСПРИЯТИИ ХОТЯ БЫ ОДНОЙ ИЗ СТОРОН ПРОТИВОСТОЯЩАЯ СТОРОНА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЕЕ ЧЛЕНОВ.